ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 36-й № 35 (4931) ЧЕТВЕРГ, 18 МАРТА 1965 г. ЦЕНА 4 коп.

Слово о партии

«Эту книгу первыми прочитали мы, ученики шестых, седьмых и восьмых классов 271-й московской школы... Больше всего нам понравилось то, что вся книга состоит из документальных очерков, что авторы ее сами участвовали в тех событиях, о которых рассказывают». Таким коллективным предисловием юных читателей открывается сборник «Слово о партии», недавно вышедший в издательстве «Молодая гвардия».

Живые, интересно написанные документальные очерки рассказывают юному читателю историю Коммунистической партии от времени ее возникновения до наших дней. Среди авторов сборника — член КПСС с 1898 года Е. Стасова, Герой Советского Союза М. Водопьянов, председатель колхоза «Рассвет» Могилевской области, Герой Советского Союза, Герой Социалистического Труда К. Орловский, летчик-космонавт Ю. Гагарин. Книга хорошо иллюстрирована. Составитель сборника — А. Будкевич.

АМЕРИКАНСКИЕ ИМПЕРИАЛИСТЫ — ВОН ИЗ ИНДОКИТАЯ!

ПРОТЕСТ СОВЕТСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

Вчера состоялось расширенное заседание президиума Советского комитета защиты мира. В нем приняли участие председатели различных общественных организаций.

Заседание открыл председатель Советского комитета защиты мира Н. С. Тихонов. Выступившие затем секретарь ВЦСПС К. Гусейнов, заместитель председателя Советского комитета солидарности стран Азии и Африки А. Софронов, ответственный секретарь Комитета советских женщин З. Федорова, председатель Комитета молодежных организаций СССР П. Решетов и другие с гневом осудили агрессивную авантюру американской военщины в Индокитае, заявили о полной солидарности советских людей со справедливой борьбой вьетнамских патриотов. «Американские империалисты — вон из Индокитая!» — таково требование советской общественности.

3000 ПРОИЗВЕДЕНИЙ С. Я. МАРШАКА

Беседа с С. В. МИХАЛКОВЫМ, председателем комиссии Союза писателей СССР по литературному наследию поэта

— Наша комиссия завершила первый этап работы по изучению архива выдающегося советского поэта лауреата Ленинской премии Самуила Яковлевича Маршака. Принято решение об издании посмертного двенадцатитомного собрания его сочинений. В него войдет около трех тысяч произведений (в издании при жизни С. Я. Маршака 4-томном собрании было около 800) — все найденные к моменту выхода собрания сочинений стихи, очерки, статьи и переводы, имеющие самостоятельное художественное значение, а также его избранные письма, посвященные вопросам литературы, искусства, воспитания, и произведения, оставшиеся в виде рукописей.

Новое издание раскроет все стороны литературного творчества С. Я. Маршака.

Собрание сочинений предполагается выпустить под общей редакцией С. Михалкова, А. Твардовского, В. Жирмунского, А. Пузикова и сына поэта — доктора технических наук И. Маршака — ученого секретаря нашей комиссии.

В первом томе будет опубликовано около 400 стихотворений. Во второй — войдут переводы из Шекспира, Мильтона, Свифта и Блейка, а также старинных английских и шотландских народных баллад. В третий том включаются переводы из пятнадцати английских и шотландских поэтов, а также около 80 эпиграмм английских авторов. Четвертый том составляется из переводов произведений поэтов разных стран, а также стихотворений из народного эпоса. Пятый, шестой и седьмой тома будут посвящены произведениям, написанным для детей. Восьмой том содержит избранные сатирические стихи, многие из них были написаны для плакатов и газет в период Великой Отечественной войны. Девятый и десятый тома включат статьи и заметки о литературном мастерстве, о детской литературе и творчестве, о выдающихся писателях и деятелях искусства. Одиннадцатый том будет посвящен жизненному пути поэта. В двенадцатый — войдут избранные письма С. Я. Маршака.

БЕССМЕРТИЕ КОММУНЫ

Н. МОЛЧАНОВ,
доктор исторических наук

Маркс называл Парижскую Коммуну «сфинксом, задавшим такую тяжелую загадку буржуазным умам». В самом деле, будучи не в силах понять тот всемирно-исторический факт, что Коммуна означала конец эпохи подъема буржуазии, что наступило время ее крушения, что появилась новая общественная сила, способная взять власть и создать общество социальной справедливости, буржуазные идеологи пытаются представить Коммуну чем-то случайным и незначительным и вот уже почти столетие пытаются бьются над «загадкой» Коммуны.

Коммуна, писал один из ее современников, нанесла буржуазии отрицательную пощечину, ярко горящую на ее физиономии. Что только не делалось, лишь бы стереть этот след! Исписаны горы бумаги, изданы десятки объемистых томов «научных» исследований, опубликованы тысячи статей, в которых делается все, чтобы оклеветать память героев Коммуны, принизить ее значение и роль, затушевать великий смысл борьбы парижских пролетариев, исказить и извратить уроки великой революционной эпопеи. Эти сочинения обнаруживают пирочайшую гамму методов и приемов фальсификации истории. С одной стороны, здесь можно встретить просто яростную брань, сравнимую лишь со злобой версальских палачей героев Коммуны. «Перед нами, — писал, например, о коммунарах еще в прошлом веке Теофиль Готье, — каторжники, шаранненой звериной и дикари с кольцом в носу и красной татуировкой пляшут танец скальпов на дымящихся обломках общества».

До сих пор благонамеренные буржуа не избавились от страха перед Коммуной. Они все еще пытаются обнаружить корни Коммуны не в законах классовой борьбы, а в иных случайных факторах. Так, в «Таймс литерари саплимент» появилась недавно большая статья о женщинах-коммунарках, поводом для которой явился выход в свет во Франции книги г-жи Томас «Керосинщицы». Респектабельное издание английской буржуазии пытается объяснить революционный взрыв 1871 года, и в частности причины участия множества женщин в борьбе на стороне Коммуны, самыми неожиданными или второстепенными причинами. «Возможно, — пишет автор статьи — «Таймс литерари саплимент», — участие в революции связано больше с незаконным рождением, сокращением, униженным положением женщин, с их легким поведением, чем с нуждой, несчастьем и тяготами жизни в буржуазном обществе».

В подобных рассуждениях ясно обнаруживается стремление замаскировать истинные причины и неизбежность социалистической революции. Характерно, что в качестве иллюстрации к статье лондонский еженедельник печатает старую литографию, изображающую расстрел коммунарами заложников, чтобы еще раз заклеймить «жестокость» и «преступления» Коммуны. Кто же был жестоко? Версальцы убили больше 30 тысяч коммунаров, а коммунары расстреляли около 50 заложников, да и то в самый последний момент отчаянной битвы. Кому не известно, что именно мягкость, великодушие Коммуны были одной из ее роковых ошибок.

Но чаще всего враги исторической правды пытаются спрятаться за маской объективности и беспристрастности. Ловко оперируя подчас подлинными документами, они, как им кажется, уничтожают «марксистский миф о Коммуне». При этом фальсификаторы выступали и продолжают выступать даже с «левых» позиций. Именно так делает парижский еженедельник «Нувель обсерватэр», пользующийся «левой» репутацией. Он опубликовал недавно некоторые материалы о Парижской коммуне, заявив по этому поводу, что «впервые поставлены истинные проблемы Коммуны».

Естественно, что такое заявление не может не привлечь внимание историка. Неужели сотни ученых и писателей, посвятивших долгие годы изучению истории Коммуны, не сумели в ней ничего понять, и лишь только теперь засиял луч подлинного знания?

«Нувель обсерватэр» уверяет: до сих пор «Коммуна ожидала своего историка». И вот он явился. Это французский историк, преподаватель Сорбонны Жак Ружери, взявшийся за изучение 15 тысяч досье по делам коммунаров и только что опубликовавший первые результаты своей работы в книге «Процесс коммунаров». До недавнего времени эти документы, хранящиеся в Военно-историческом архиве, были недоступны для историков. Исключением был ярый враг Коммуны Добан, еще в прошлом веке получивший доступ к этим материалам, чтобы использовать их для клеветы на Коммуну. Говорят, что теперь документы Военно-исторического архива доступны всем. Жак Ружери публикует немало очень интересных материалов. Но все дело в том, как он их интерпретирует. Если судить по его собственным признаниям, в некоторых отношениях он, по существу, не так уж далеко ушел от *Добана*, клеветавшего на Коммуну. Ружери объявляет о своем намерении ликвидировать «монополию» на изучение Коммуны, выпавшую якобы на долю ученых-марксистов. Ему не нравятся выводы этих ученых, представителей, как он говорит, «завербованной науки». Он пишет, что у марксистов история Коммуны «слишком часто напоминает «нитки снятые» и в тому же не свободна от назидательности, которая порой раздражает». «Устав извлекать уроки из прошлого, — пишет Ружери, — не может ли, не должен ли историк избегать участия в сварливых ссорах незаконных наследников?»

Эти заявления лено характеризуют исходные идеологические позиции нашего первооткрывателя. Его раздражает «тенденциозная» история Коммуны, созданная историками, однако он не особенно возражает против грубой клеветы на Коммуну, которой не прекращают заниматься уже много десятилетий буржуазные историки. Он выступает против «монополии» марксистов, хотя такой монополии не существует. Буржуазная историография Коммуны, пожалуй, не менее обширна, чем марксистская. Что касается стремления Ружери к беспристрастности, то, оказывается, она подсобилась «ему для того, чтобы сняти на нет главный урок Коммуны для рабочего класса. Он выступает против бесспорного вывода о том, что одной из важнейших причин поражения Коммуны было отсутствие единого политического руководства пролетарской революционной партии. Он пытается внушить, что между Великой Октябрьской социалистической революцией и Парижской коммуной очень мало общего. «А что если Коммуна, — продолжает он, — вовсе не являлась прообразом революций 1917 года?» Иначе говоря, что если Коммуна не была первым опытом диктатуры рабочего класса и пролетарской демократии?

(Окончание на 4-й стр.)

без полемики

ПОХВАЛЬНАЯ ОТКРОВЕННОСТЬ...

Когда верстальщ газета, из Вашингтона пришла телеграмма с текстом речи Джорджа Болла, заместителя государственного секретаря США. Теперь уже совершенно ясно, из какого источника вдохновения черпает свои мысли Росс Марк, с которыми мы знакомим читателя на четвертой полосе сегодняшнего номера.

Америка вынуждена стать всемирным «глобальным» полицейским, говорит Болл. Он называет это положение США «уникальным и истории мира». И при этом резко обрушивается на тех американцев, которые требуют освобождения США от «обязательств, взятых на себя в Азии, Африке и других отдаленных частях мира», и призывают к мирным переговорам во Вьетнаме. Так называемый «свободный мир», по мнению Болла, не может жить без «глобальной полиции», без вмешательства вооруженных сил США во внутренние дела всех стран и народов.

Жестоко раскритикованы и те союзники США, которые не понимают этой «великой роли» международного полицейского. Тут же — грубый намек на де Голля, именуемого «проповедником возрождения национализма», деятелем, который надеется «на восстановление традиционной европейской системы». США лучше знают, какой должна быть не только Азия, но какой обязана стать и Европа...

А как же быть со всеми декларациями о «свободном мире», если этот мир не может обойтись без тюремщика, без жандарма?

К. МЕФОДИЕВ

ЛГ страница из блокнота

Поэзия и равнодушие

«Молодой поэт... в своих стихах обращается к нашим современникам. Его волнуют судьбы людей, проблема сохранения мира на земле».

«В новую его книгу входят лирические стихи о старшем поколении и молодежи, о богатстве народной жизни, о высоких моральных качествах человека».

«В новой книге представлены стихи о человеческих судьбах, о любви, о русской природе».

«...Книга «Лирика» составлена из лучших стихотворений, в которых поэт проводит мысль об органической связи поколений, о единстве идеалов отцов и сыновей, изображает радость труда, сосредоточенные поиски счастья, дает картины русской природы».

О ком все это? Что о поэте — ясно. Но о каком именно?

Но в том-то и дело, что речь идет не об одном авторе, а о четырех разных. Да, да. И не пробуйте устанавливать на основе данных характеристик, чем отличаются эти поэты друг от друга. Ведь каждую из этих аннотаций в отдельности и все вместе можно отнести почти к любому поэту. К Вознесенскому и Рыленкову, Смелякову и Сергею Смирнову, Всеволоду Рождественскому и Роберту Рождественскому. Кто из поэтов не «обращается к нашим современникам» в своих стихах? Кто не пишет «о людских судьбах»? И кто не «дает картины» родной природы?

*

Все это напечатано в книге, которая называется: «Художественная литература. Сводный тематический план 1965 г. Сокольники». «Издательства «Художественная литература», «Советский писатель», «Прогресс», «Наука», «Молодая гвардия», «Московский рабочий», «Лениздат», «Мир» — уточняет титульный лист.

Книга предназначается для работников книжной торговли. Досконально изучив ее, они должны определить, сколько экземпляров каждого сборника им надлежит заказывать. Но попробуйте определить по тем аннотациям, что это за книги. Какова их истинное содержание и поэтическое достоинство?

А ведь можно, если постараться, сказать о поэтической книге хорошо и коротко!

Сейчас, как никогда, нужна, очень нужна, умная, оперативная пропаганда и реклама выходящих книг. Равнодушию здесь не должно быть места.

ЛИТЕРАТОР

ЛОГИКА ПОБЕДЫ

Вчера на Ленинградском вокзале москвичи встретили команду советских хоккеистов, с триумфом вернувшихся из Тампере. На митинге представители общественности поздравили горячо поздравили гражды чемпионов по хоккею с замечательной победой.

Прежде всего отдадим должное... самим себе.

Болельщикам. Тем, кто пропускал свои остановки, если в троллейбусе или метро в это время оказывались счастливые соседи с транзисторными приемниками на коленях, тем, кто, забыв о пасущих своих домашних делах, а подчас относительно «закругляясь» с делами служебными, часами просиживал перед голубым экраном, доносившим до нас бури и страсти Тампере. Это наши, болельщицкие сердца испытывали космические перегрузки волнения, когда мы видели, что шведы «пока и снова бомбардируют ворота Коновалено — наладена, но со страшной силой и угрожающей меткостью»... Это мы беззвучно шептали: «Ну, еще, еще одну шайбу, ребята, решающую» — и лишь на последних секундах хоккейной битвы СССР — Чехословакия заскользила она, эта решающая, в пустые ворота соперников, где до того момента творил чудеса Владо Дзурилла, неудержимая шайба, пущенная твердой рукой Леонида Волкова и мгновенно подхваченная миллионами советских болельщиков!

Однако хотя все, почти все было решено в тот раз, нам еще была дана возможность поволноваться. Канада — Швеция. Если выиграют шведы, наша команда досрочно становится чемпионом мира. Полностью забывая сначала, канадцы простно меняют счет под конец — 5:2, 5:3, 5:4. Комментатор, потерявшийся позвать к микрофону Вовика Майорова, капитана советской сборной, которая вот-вот, без четырех, трех, двух минут, — чемпион мира и Европы. А канадцы догоняют. Голос Бориса прожжет от возмущения. И как мы понимали его, нашего неутомимого капитана! И опять решают последние секунды: прорыв удиниительного Свена Тумбы, шестой гол, побеждают шведы, хоккеисты СССР — чемпионы.

Они сразу это доказали, подлинно по-чемпионски, красиво, организованно, уверенно победив бывших мирдушевных хоккеев, канадцев. Это был специальный подарок нам, товарищи болельщики.

Да, такие спортивные битвы, такие переживания не скоро забудешь.

...А почему вообще шедев влезет на трибуны стадионов? И что их влечет? Жажда острых ощущений? Азарт? Кое-кто из тех, «не полюбивших спорта», считает, что это «разрядка», жажда забвения домашних и служебных забот. Нет и тысяч! У настоящих болельщиков происходит совсем другое: наши ребята, «гоняя» шайбу, может быть, и не подозревают о роли воспитателей, но это так. Не всякой победе «своих» радуется настоящий болельщик, друг спорта. Он радуется достойной победе, когда видит: нашим сделали все, чтобы заработать, заслужить, выстрадать спортивную славу. Так было в Тампере!

Коллективизм, настойчивость, самоотверженность, джентльменская сдержанность (когда тебя провоцируют грубостью на грубость), мужественная сила — прекрасные человеческие качества возбуждали в нас, зрителях, стремительный Старшинов, целеустремленный Якушев, всевидящий, хладнокровный Альметов, хладнокровный Кузьмин и Рагулин, — все, все они, герои Тампере, ставшие третьей порой первой чемпионами мира, навечно «прописавшие» кубок победы в нашей Москве.

Тампере учит: личной виртуозности мало для полной победы, с другой стороны, коллективизм — это вовсе не боязнь взять на себя ответственность за решение данной мгновенно складывающейся ситуации. Тампере учит: подобие — итог разнообразия ведения борьбы. Ни один наш матч не был копией другого: каждый раз особая стратегия тренеров, особый ритм, особый «ключ» к сопернику. Разрушение шведских оборонительных линий скоростью и широкой игрой в пас — вот что решило дело в первом матче (плюс преодоление нервности). С чехами, похожими на нас по манере игры, — нечто другое: один за другим создавались защитные баррикады у наших ворот, никакой свободы маневра соперникам, игра, как круто сжимающаяся пружина, и затем — внезапная выдержка на чужой половине площадки.

«Своя игра» — прекрасный термин, если не понимать его как игру однообразную.

И, наконец, еще один из уроков Тампере, искать молодежь, доверять молодежи, не боясь испытаний, на высоком уровне проверять ее! Коновалено вынес главную тяжесть борьбы, но как приятно, что и Винсен не оробел в последнем матче против канадцев. Голиков и Недоманский — что может быть лучше такого союза (и кто знает, как он еще аукнется в Любляне и отзвенится в Гренобле в недалеком будущем!)

...Все это имеет отношение не только к хоккею и, наверное, не только к спорту.

Что же касается наших хоккеистов непосредственно, то... бывают случаи, когда для выражения радости нет подходящих слов.

Скажем просто, без фанфар: «Спасибо!».

Ю. СУРОВЦЕВ

ДОМА!

Вырвавшись из застенков Леопольдвиля, вернулся на Родину, в весеннюю Москву, наш друг и товарищ, корреспондент «Известий» по странам Африки Николай Петрович Хохлов.

Приветствуя на родной земле Николая Хохлова, давнего автора «Литературной газеты», мы с удовольствием вспоминаем его выступления на страницах нашей газеты.

Коллектив и читатели «Литературной газеты» желают Николаю Хохлову доброго здоровья, новых успехов.

На снимке: **Н. Хохлов в Москве.**
Фото С. Раснина

героическая летопись

Битва под Москвой

Александр КРИВИЦКИЙ
Фото Олега КНОРРИНГА

Да, нельзя, невозможно забыть время войны. Спустя много лет она врывается в жизнь обрывком военного сна, воспоминанной встречей, старой фотографией...

Вы идете по московской улице тысяча девятьсот шестьдесят пятого года. Неон струится по трубкам и распадается сумерки. И уже трудно себе представить Москву сорок первого года. Город стоял настороженный и пустынно-гулкий. Ночью снулой синий свет автомобильных фар скользил по снеговым улицам, слепящим с синими сугробами у обочин. Тьма. Сигнал отбой воздушной тревоги выплескивает из дверей метро толпу людей, она растекается по переулкам серыми тенями.

А там, совсем недалеко отсюда, от площади Маяковского, идут бои... Волоколамское шоссе, разъезд Дубосеково, где двадцать восемь панфиловцев бились с пятьюдесятью танками врага.

Война трагична. Бывает, что кровь и гибель людей не в силах принести желанного результата, искупающего жертвы. Не так было под Москвой, у Дубосеково. Северо-западные подступы к столице обороняла 16-я армия. Командовал ею К. К. Рокоссовский. В состав армии входила 316-я стрелковая дивизия Ивана Васильевича Панфилова. И вот группа бойцов-панфиловцев во главе с политруком Василием Клочковым и оказалась у Дубосекова, по которому прошелся отчаянный удар немецкого танкового клина. Более чем на четыре часа задержали двадцать восемь танки противника, перебили им стальные сухожилия. Не дали прыгнуть на Москву. В те дни это был неоценимый выигрыш во времени. Из танки вот часть ушедшего в сторону немцев на месте и возникло Крушение их стратегии «блицкрига» и захвата советской столицы «с ходу».

— Велика Россия, а отступать некуда, позади Москва! — эти слова Василия Клочкова облетели всю страну, весь мир. И защитники Москвы не выдали ее врагу, выстояли, а затем окружили дивизию, которая сами пошли в наступление, погнали противника вспять. То был славный день. Я встретил его в армии Рокоссовского и до сих пор не могу забыть, как она тронулась с места и, ломая вражью силу, пошла, пошла на запад. Тогда я впервые увидел, какими счастливыми могут быть лица людей на войне.

Еще из своих высотных гнезд мелькали ночное небо зенитки. Еще бойцы ПВО вели под уздцы аэростаты воздушного заграждения, еще гвардейские минометы «эрэсы» огненным веником выметали из последних укрытий подмосковья противника, еще на площади Свердлова расхаживался на всеобщее обозрение сбитый тараном немецкий бомбардировщик, — а уже густо попер в плен мрачно-удивленный «зимний фриц», иначе говоря, гитлеровец, приведенный в чувство.

Зенит нашего несчастья — так назвал танковый бог немецкой армии Гудериан события под Москвой. Эхо разгрома гитлеровцев под Москвой не переставало звучать все годы войны. Победа была славной и совершенной. Преобразилась вся страна. Облегченно вздохнула Европа, прислушиваясь к раскатам орудий. Ушат военных сводок стал трезвить сателлитов Гитлера. В штабах союзников «русские эксперты» недоуменно разводили руками...

...Вы ходите по московским улицам, выезжаете за город. Трудно себе представить, что здесь бушевала война. Но мы не можем не забыть, она с нами, в нас. А молодые! их взгляду почти ничто не напоминает об отгремевших боях. Так вот случилось, что в столице СССР до сих пор нет монумента в честь победы под Москвой, не горит на ее центральной площади вечный огонь.

Затерявшись среди надгробий Новодевичьего кладбища, на общем фундаменте стоят три малых обелиска с изображениями И. Панфилова, Л. Доватора и В. Талалихина. Я знал всех троих. Но и тот, кто никогда не имел счастья встречаться с ними, прекрасно понимает, где настоящие места их посмертно-бессонного караула. Ивану Панфилову — мудрому старшему-генералу в бронзе и граните, опирающемуся на мечи-клинки, стоять у Волоколамского шоссе, при въезде в Москву, там, куда не пустил он врага. Льву Доватору — отважному конному-генералу, в развевающейся бурке, на горячем коне вечно скакать по асфальту молодой площади у старинного Манежа. Виктору Талалихину — первому истребителю, таранившему немецкий бомбардировщик на воздушных подступах к Москве, возвышаться в скульптуре таким, каким мы его увидели в первый раз, — среди обломков вражеской машины с непокрытой светлой головой, с летным шлемом в руках — юноша-герой, еще не ведающий, что назавтра его имя узнает весь потрясенный свет.

С какой гордостью проходили бы люди в центре города по аллее побед, украшенной бюстами полководцев Отечественной войны.

А те многие наши школьники лучше знают маршалов Наполеона, чем советских. Но виноваты в том не школьники. Прошли времена, когда все победы в Отечественной войне приписались одному человеку, а все поражения — остальным. Но и до сих пор нет литературно написанных биографий наших военачальников. Нет книжной галереи их портретов, хотя сборник фототипий военачальников войны 1812 года вам без труда найдут в каждой большой библиотеке.

А разве нельзя вновь выстроить фронт полного прорыва на том самом месте, где он и был, когда 28 панфиловцев сооружали свои смертные рубежи. Разве нельзя именно там восстановить, зримо воспроизвести во всех деталях эту славную траншею, воссоздать в ней фигуры гвардейцев. А в той стороне, откуда шли немецкие танки, разве нельзя насадить парк, чтобы весь этот комплекс стал памятником гвардейцам-панфиловцам. Тысячи и тысячи людей со всех концов Советского Союза, со всего мира будут приезжать сюда, чтобы поклониться до земли памяти героев. Почему бы не сделать это быстро, в 50-летнюю годовщину, чтобы и ветераны тех боев еще успели побывать у памятников их славы и салютовать им взволнованным биением старых, но верных сердец.

Победа под Москвой — первое крупное поражение противника — навсегда покончила с мифом о его непобедимости, спасла советскую столицу. И теперь можно достойно увековечить это великое событие не только в альбомах фотографий, снятых в то время храбрыми и умелыми фотокорреспондентами, но и на своих каменных и бронзовых скрижалях.

Фашистские волны «дошли» до Москвы!..

В защиту Байкала!

природа и мы

«Литературная газета» 6 февраля нынешнего года в статье писателя Олега Волкова «Туман над Байкалом» вновь вернулась к уже обсуждавшимся несколько лет назад, в том числе и на ее страницах, проблемам строительства целлюлозных заводов, представляющих угрозу самому существенному богатству уникального озера — Сибири». 28 февраля 1965 года в защиту Байкала выступила газета «Правда» (А. Мерзлов, «Тревога о Байкале»).

О беспокойстве советских людей за судьбу Байкала говорит и не прекращающийся до сих пор поток читательских писем в редакцию «Литературной газеты».

Публикуя сегодня письмо «В защиту Байкала!», мы надеемся, что к голосу представителей писательской общественности внимательно прислушаются руководители Государственного комитета по лесной, целлюлозно-бумажной, деревообрабатывающей промышленности и лесному хозяйству при Госплане СССР, руководители Совета народного хозяйства СССР.

НА ТОЛЬКО что закончившемся Всероссийском съезде писателей снова прозвучала тревога за судьбу Байкала.

На берегах озера-моря возводятся заводы, вредоносные стоки которых могут не только замутить, но и омертвить его чистые воды.

Байкал дорог сердцу каждого советского человека как символ величия Родины, глубины и чистоты народной души, как совершенный образец неповторимой красоты родной русской природы.

Но дело не только в этом.

Байкал — крупнейшее в мире вместилище пресной воды. Человечество уже сегодня озабочено ее нехваткой. Забота же о наших потомках должна сделать нас тем более осмотрительными.

В свое время сооружение целлюлозных заводов именно на Байкале мотивировалось необходимостью получить корд высокого качества. Нам думается, решить эту проблему сегодня можно и нужно иными методами, не угрожая Байкалу. Возведение заводов на берегу Байкала по многим причинам — тем более в районе сейсмически опасном — нецелесообразно с экономической точки зрения.

И сейчас, как нам кажется, только моральная инерция и нежелание признать совершенную ошибку побуждают настаивать на завершении строительства целлюлозных заводов на Байкале.

Строительство целлюлозных заводов на берегах Байкала надо немедленно прекратить.

Возведенные уже корпуса можно использовать для иных производств, а оборудование передать голубым Братскому заводу, увеличив его мощность.

Дополнительные расходы на переоборудование уже возведенных корпусов могут быть сократ перекрыты развитием отечественного и иностранного туризма на сохраненном для жизни Байкале.

Бесценный дар природы, любимый народом священный Байкал должен быть сохранен как величайшая национальная ценность.

Этому требуют интересы народа, забота о благе грядущих поколений.

Леонид СОБОЛЕВ, Сергей САРТАКОВ (Москва), **Франц ТАУРИН** (Иркутск), **Анатолий НИКУЛЬКОВ** (Новосибирск), **Евгений БУРАВЛЕВ** (Кемерово), **Георгий ГРАУБИН** (Чита), **Валентин ГЛУЩЕНКО** (Москва), **Марк СЕРГЕЕВ** (Иркутск).

писатель читает почту

В АПТЕКУ ПРИХОДЯТ ЗА ЛЕКАРСТВОМ...

Разговор необходимо продолжить!

Сергей ЛЬВОВ

«...Почему в аптеках нет...»
«...Почему в аптеках нет...»
(Из писем в редакцию)

Я ПОЛУЧИЛ письмо от друга, который живет в областном городе. Его двухлетняя дочка заболела коклюшем и болела тяжело. Каждый, у кого есть дети, переболевшие коклюшем, помнит, какие это мучительные дни.

Между тем при коклюше применяется один препарат, который облегчает течение болезни.

Хочу сразу же предвосхитить упреки, которые обычно выслушивает от медицинских инстанций литератор, когда касается подобных тем. И здесь, и далее в этой статье речь пойдет не о недавно открытых, недостаточно проверенных, не освоенных производством средствах, а лишь о тех, что уже много лет назад включены в официальные справочники.

Именно такое средство и назначил врач ребенку моих друзей, но родители не смогли его достать. После двух дней беспрерывной и бесплодной беготни отец написал мне отчаянное письмо.

Я отправился доставать необходимое. Даже в Москве это оказалось не так-то просто. И все-таки врачи одной из московских санитарно-эпидемиологических станций в виде исключения выдали мне препарат для ребенка из другого города. Фельдшерица детской комнаты на вокзале согласилась пойти вместе со мной к начальнику скорого поезда, объяснить ему, что находится в этих ампулах и почему их нужно доставить как можно скорее. Начальник поезда поколебался, но, вспомнив, как выходился кашлем его собственный сынишка, когда болел коклюшем, взял коробку с ампулами, опять-таки в нарушение официальных правил. Телеграфистка вокзального телеграфа передала телеграмму с такой пометкой, чтобы ее доставили отцу среди ночи, иначе он не успел бы к поезду, который должен был проходить через город на рассвете. Для страховки о лекарстве был извещен медицинский пункт вокзала города Н. Если отец не успеет к поезду, начальник поезда передаст коробку дежурному по медпункту. Вся система сработала безотказно.

История развивалась по всем канонам газетной заметки: «Спасибо хорошим людям!». Здесь было все, включая оптимистическую концовку: «Дочка чувствует себя лучше».

Но у меня не возникло ни малейшего желания выступить в роли автора такой заметки. Во-первых, в письме была существенная оговорка: «Жаль, что мы не достали препарат сразу. Врачи говорят, что он действует тем эффективнее, чем раньше введен». А во-вторых,— и это кажется мне, пожалуй, самым поучительным в этой истории,— привычность работников санитарно-эпидемиологической станции, чуткость фельдшерицы детской комнаты, помощь телеграфистов, согласие начальника поезда и мои собственные действия — все это нужно было, чтобы исправить результат плохой работы. Плохой работы тех учреждений, которые обязаны не по долгу дружбы, а по долгу службы исключить необходимость таких чрезвычайных акций по такому элементарному поводу.

У каждого из нас есть свои обязанности. И обязанность журналиста в данном случае, как мне кажется, состоит вовсе не в том, чтобы написать умиленную заметку, как соединенными усилиями в экстренном порядке доставили лекарство в город Н., а в том, чтобы привлечь общественное внимание к возмутительной стороне этого случая.

Признаюсь, что, занятый другими темами, я не выполнил тогда эту свою обязанность.

ВСПОМНИЛ я эту историю лишь осенью в Ялте. В этот город стекаются тысячи не лишенных здоровья людей. В ялтинских аптеках все время слышишь десятки отказов. Аптека на набережной оборудована даже некий удивительный пункт. Он называется «Стол консультаций». На самом деле это пункт самообслуживания, хотя медицина это та область, которой самообслуживание противопоказано. Оборудование пункта предельно просто. На столе лежит толстенный том фармакологического справочника. Подходи и листай, сам устанавливай, чем можно заменить назначенное тебе, но отсутствующее лекарство. Просто и мило! Так сказать, фармацевтический словарь синонимов! Но ведь рецепт — это не сочинение на вольную тему!

Впрочем, иногда около стола с открытым доступом к медицинским справочникам дежурит некто в белом. Теоретически обязанности консультанта состоят в том, чтобы давать советы по части употребления лекарств и предостерегать от злоупотребления ими. На самом деле он либо советует, в какую из аптек Южного берега и на каком транспорте добраться, чтобы достать то, что нужно, либо говорит, чем заменить то, чего нет, либо, увы, чаще всего беспомощно и благожелательно разводит руками: «Нет, и неизвестно, когда будет».

А еще в оборудование этой аптеки, как, впрочем, и многих других, входит стенд, на котором выставлены лекарства с краткими аннотациями.

Однако многие из них существуют в аптеках только на этом стенде. Какие при этом преследуются цели? Рекламировать? Рекламировать то, чего нет, бессмысленно. Общепрадвительные? Но в аптеку люди приходят не за тем, чтобы расширить свой медицинский кругозор. В аптеку приходят за лекарством. И если аптека не выполняет этой своей главной обязанности, то никакие консультационные пункты и выставки не скроют этого основного прискорбного обстоятельства.

Каждый должен заниматься своим делом. Больной — выполнять назначение врача, его близкие — помогать ему в этом, а аптеки... аптеки должны обеспечивать его лекарствами.

ВЕРНУВШИСЬ из Ялты в Москву, я несколько раз за последние месяцы ходил на почту, то чтобы отправить в один город магнезию в ампулах, то послать в другой горчичники.

В очереди к окошечку, где упаковывают бандероли, я обычно встречал людей, которые занимались тем же самым. И речь снова шла не о каких-либо новейших препаратах — это бы еще можно понять,— а зачастую о лекарствах, которые назначал своим пациентам еще доктор Чехов.

Но и Москва в этом смысле тоже не «земля обетованная». Не приношу здесь список того, чего аптекарски, периодически или систематически не хватает в московских аптеках. Такой список, составленный по письмам читателей и сведениям, собранным корреспондентами, мне показали в редакции «Литературной газеты».

Но не требуют ли читатели невозможного, так сказать, медицинского «птичьего молока»? Редакция «Литературной газеты» отправила одного из своих корреспондентов в поход по аптекам и по ведающим этими аптеками инстанциям.

Корреспондент принес внушающий список лекарств, в которых иногда, нередко, часто или почти всегда аптекам приходится отказывать своим посетителям. Из Главного аптечного управления корреспондент принес не менее длинный список причин в промышленности, которая иногда, нередко или часто неодолает необходимого сырья.

Прошло некоторое время. Мы все, и читатели, и журналисты, обрадовались, узнав о такой важной государственной мере, как снижение цен на многие лекарства.

И все-таки эту радость продолжают омрачать письма, что многих лекарств в аптеках нет.

Журналисты не могут подсказать ни Министерству здравоохранения, ни промышленности, производящей лекарства, что делать, чтобы в аптеках не было отказов. Всякая такая попытка будет дилетантской самодеятельностью. Но рассказать о том, сколько писем читателей, вызванных нерешенностью проблемы, получают редакции, напомнить о том, что за каждым таким письмом стоят людские переживания, а порою и беды,— вот прямое дело журналистов. Это дело мы и выполняем данной статьей.

Успехи, трудности, перспективы

Редакция попросила начальника Главного управления медснабсбыта Министерства здравоохранения СССР П. И. Герасимова прокомментировать статью «В аптеку приходят за лекарством»...

—ЗА ПОСЛЕДНЕЕ пятилетие производство медикаментов в стране увеличилось в 2,6 раза, а витаминных препаратов — в 4,5 раза. Вступили в строй первые очереди крупных комбинатов, переоборудованы многие существующие предприятия. Сейчас наши аптеки полностью обеспечены эффективными противотуберкулезными средствами, важнейшими антибиотиками. Освоены многие новые препараты. В начале этого года существенно снижены цены на многие лекарства. Словом, наши успехи в обеспечении лекарствами очевидны.

Но это не может увести нас от разговора о тех недостатках, о которых пишут в своих письмах читатели и которым посвящена статья «В аптеку приходят за лекарством». К сожалению, нередки случаи, когда в аптеках нельзя найти то одно, то другое лекарство. Правда, в большинстве случаев отсутствующие препараты могут быть заменены другими.

Но перебои действительно есть, и они касаются и тех средств, заменять которые нецелесообразно и которые не требуют особой технологии производства. Кроме упомянутых в статье, здесь приходится назвать препарат аллахол, который необходим людям, страдающим заболеваниями печени; сернокислый барий, применяемый при рентгеновском исследовании; папаверин, эфедрин, таблетки реевпи и даже йодную настойку!

Причины перебоев разные. Медлят с введением новых видов и расширением производства йодобромные предприятия РСФСР и Азербайджанской ССР, не может решить проблему сырья для изготовления сернокислого бария «Союзглавхим» при СНХ СССР. Трудности с сырьем сдерживают необходимый рост производства некоторых других препаратов. Метод синтеза эфедрина, разработанный нашими учеными, в скором времени разрешит одну из этих трудностей.

Особо следует сказать о гамма-глобулине — средстве, облегчающем течение многих детских заболеваний, в том числе и коклюша. В скором времени нам удастся значительно снизить недостаток этого препарата. Дело в том, что гамма-глобулин до сих пор был основным противокоревым средством. С нынешнего года потребность в нем для этой цели отпадает: будет выпущено новое эффективное средство.

В недалеком будущем, когда тбилисский завод освоит вновь выстроенный цех, мы полностью удовлетворим потребность в магнезии в ампулах. Но есть еще одна причина, вызывающая отсутствие в аптеках полного ассортимента средств, в том числе и тех, которые в достатке имеются на наших базах. Она не зависит ни от органов здравоохранения, ни от промышленности. Это нормативы товарных запасов, установленные для аптек планирующими и финансовыми организациями. Назрела острая необходимость их пересмотреть...

Министерство здравоохранения СССР совместно с плановыми организациями и СНХ СССР в настоящее время разрабатывает проект нового пятилетнего плана по производству готовых лекарственных средств. К концу 1970 года потребность в них будет удовлетворяться полностью. При этом не менее 90 процентов всех лекарств по массовым прописям будет выпускаться в готовых формах.

Мы прилагаем большие усилия к тому, чтобы дефицитные ныне лекарства в коротие сроки появились в наших аптеках.

От редакции

Успехи, о которых говорит П. И. Герасимов, очевидны, трудности понятны, перспективы отрадны. Но, как справедливо сказал он в беседе с нашим корреспондентом, все это не может увести от разговора о недостатках в снабжении лекарствами, сегодня существующих и сегодня в значительной степени устранимых.

Лекарства действительно нередко приходится покупать не в ближайшей аптеке, а искать подолгу в разных и искать, как признает П. И. Герасимов, даже давно освоенные, в достатке имеющиеся на базах, но отсутствующие в данный момент в данной аптеке средства. Оказывается, это связано с устаревшими нормативами!

Почему же о необходимости пересмотра этих нормативов говорится лишь, как о деле будущего? Если органы здравоохранения действительно не в силах повлиять на промышленность, то уж поставить вопрос о порядке, из-за которого лекарства лежат на базах, а не в аптеках, они давно в состоянии.

А необъяснимые случаи, когда вдруг прекращается выпуск лекарственных средств и предметов ухода за больными, которые в достатке производились, но вдруг стали жертвой какой-то непродуманной программы? Вспомним у всех еще на памяти внезапно возникшая несколько лет назад «проблема градусников». А вот недавно превратились в проблему медицинские резиновые пузыри. Почему? Этот пример мы берем из того, что получили из Казани письма инженера М. М. Волковича. Он же сообщает о том, что Казанский химфармзавод год назад прекратил производство фосфалока и армина, в которых нуждаются больные глаукомой. А ведь производство было налажено и обеспечивало больных.

— Почему в аптеках нет — спрашивают читатели. Беседа с П. И. Герасимовым показывает, что он один не в силах ответить на эти вопросы. Разговор необходимо продолжить. Очевидно, с участием всех тех, от кого зависит решение этих вопросов.

ДА, ЗАКОН ЕСТЬ ЗАКОН!

По поводу реплики заместителя Генерального прокурора СССР Н. ЖОГИНА в газете «Известия».

27 ФЕВРАЛЯ 1965 г. в «Литературной газете» была напечатана статья Г. Радова «Без злого умысла», в которой говорилось о нарушении закона при разборе дела С. И. Шашкова в народном суде Алуштинского района Крымской области. Речь шла о пенсионере, общественнике, безвинно пострадавшем в годы культа личности и впоследствии реабилитированном.

11 ноября 1963 года народный суд, не располагая доказательствами, в пользующих лишь предположениями и домыслами, обвинил С. И. Шашкова в том, будто он построил дом на нетрудовые доходы. В статье Г. Радова говорилось также, что начальник отдела по надзору за рассмотрением в судах гражданских дел Прокуратуры СССР А. Холявченко, к которому обратился С. И. Шашков, вместо того чтобы выступить в защиту закона, поддержал незаконное решение суда.

16 марта в газете «Известия» напечатана реплика заместителя Генерального прокурора СССР Н. Жогина «Закон есть закон». В ней тов. Жогин утверждает, что «народный суд, который постановил изъять дом у Шашкова, действовал в строгом соответствии с законом».

ТАК ЛИ ЭТО? Вот какого мнения придерживается на этот счет председатель Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда СССР тов. Панюгин:

«В связи с поступившим из редакции «Литературной газеты» письмом, в котором содержалась просьба проверить в порядке надзора дело об изъятии у Шашкова С. И. и Шашковой У. К. дома, Верховным Судом СССР было затребовано из народного суда и изучено указанное дело.

Постановлением народного суда Алуштинского района Крымской области от 11 ноября 1963 года у Шашкова С. И. и Шашковой У. К. изъят дом. Это постановление мотивировано следующими доводами: сметная стоимость дома составляет 3 458 руб., а Шашковы в момент его строительства имели лишь 2 000 руб., документов на приобретенные строительные материалы они не представили и дом, по мнению суда, выстроен с использованием материалов, похищенных неизвестными лицами; Шашковы нарушили договор застройки, отстроив дом из 6 комнат вместо 3-х, как предусматривалось по плану; используется дом с целью извлечения нетрудовых доходов.

Ознакомление с материалами дела приводит к выводу, что народный суд, тщательно и всесторонне не проверил обоснованности постановки вопроса о безвозмездном изъятии у Шашковых дома.

При разрешении дела суд исходил из сметной стоимости выстроенного Шашковыми дома, тогда как следовало выяснить его действительную стоимость. Свидетель Скоростецкая, работающая техником в Алуштинском отделе коммунального хозяйства и принимавшая участие в составлении сметы, показала в судебном заседании, что при оценке дома комиссия не занималась определением количества и стоимости материалов; израсходованных на возведение дома, и стоимости вложенного труда (л. д. 130).

Не было принято во внимание утверждение Шашковых, что дом в основном строился ими самими без привлечения рабочих со стороны (л. д. 26). Между тем этот их довод подтверждается приобщенными к делу письменными показаниями ряда граждан (л. д. 23), а также показаниями свидетеля Зайцевой в судебном заседании (л. д. 131).

Вывод суда о том, что дом Шашковыми возведен с использованием строительных материалов, похищенных неизвестными лицами, основан лишь на предположениях и домыслах, обвинил С. И. Шашкова в том, будто он построил дом на нетрудовые доходы. В статье Г. Радова говорилось также, что начальник отдела по надзору за рассмотрением в судах гражданских дел Прокуратуры СССР А. Холявченко, к которому обратился С. И. Шашков, вместо того чтобы выступить в защиту закона, поддержал незаконное решение суда.

Что касается содержащегося в постановлении народного суда указания о нарушении Шашковыми плана застройки и использования дома с целью извлечения нетрудовых доходов, то эти обстоятельства, при их доказанности, могли служить основанием для расторжения договора застройки в исковом порядке, но не для безвозмездного изъятия дома в порядке, предусмотренном Указом Президиума Верховного Совета Украинской ССР от 29 августа 1962 года «О безвозмездном изъятии домов, дач и других строений, возведенных или приобретенных гражданами на нетрудовые доходы».

Следует принять во внимание, что исполком Алуштинского горсовета считал возможным постановлением от 26 декабря 1958 года утвердить представленный отделом коммунального хозяйства акт об окончании Шашковыми строительства дома и зарегистрировать за ними этот дом на праве личной собственности в том размере, в каком он был в действительности выстроен.

Под извлечением нетрудовых доходов суд имел в виду сдачу Шашковыми части жилой площади лицам, приезжающим в Алушту на отдых. Между тем представление жилой площади Шашковыми оформлялось через Алуштинское квартирно-посредническое бюро за заработанности от размера получаемой квартирной платы или в установленном законом порядке ежегодно уплачивался налог. Об этом свидетельствуют приобщенные к делу декларации, справки о погашении налоговых платежей и акты проверок.

Дело о безвозмездном изъятии у Шашковых дома рассмотрено народным судом без участия представителя общественной организации, чем грубо нарушен п. 4 Указа Президиума Верховного Совета Украинской ССР от 29 августа 1962 года...».

С мнением товарища В. Панюгина согласился и заместитель председателя Верховного Суда УССР Р. Сиденко, который опротестовал постановление народного суда Алуштинского района в судебную коллегию по гражданским делам Верховного Суда УССР.

Таким образом, утверждение тов. Н. Жогина, что суд, разбиравший дело Шашкова, действовал «в строгом соответствии с законом», противоречит фактам.

Тов. Н. Жогин спрашивает: «Так вправе ли газета допускать нападки на те организации, которые поступают по закону или осуществляют надзор за исполнением законов?».

Нам кажется излишним говорить о нашем глубоком уважении к советскому суду и советской прокуратуре. Но ведь в статье «Без злого умысла» газета как раз и критиковала не «организации, которые поступают по закону», а людей, которые закон нарушают. И вряд ли следует заместителю Генерального прокурора СССР брать их под защиту, даже если один из них — А. Холявченко — его подчиненный.

В РЕПЛИКЕ Н. Жогина содержится и другое серьезное обвинение, хотя и выраженно оно косвенным образом. Речь идет о «некоторых», которые «до сих пор пытаются противопоставить «дух» и «букву» закона». Такое противопоставление, пишет тов. Жогин, «явно несостоятельно».

Да, такое противопоставление действительно несостоятельно и чуждо нам, равно, впрочем, как и прекленение перед древним латинским утверждением «пусть погибнет мир, но восторжествует юстиция». К этому хочется лишь добавить: разумеется, «дух закона выражается только через его букву и никак иначе». Нельзя же забывать всей специфики советского законодательства и судопроизводства, неразрывно связанной, с народным характером Советского государства и сущностью социалистической демократии. Широкое участие советской общественности в судебном процессе (общественные защитники и обвинители и т. д.) помогает суду утверждать и дух, и букву закона применительно к каждому конкретному случаю. Говоря о советской общественности, мы, разумеется, имеем в виду и печать.

И еще одно замечание по поводу «буквы и духа». Если злодействие злоупотреблений, связанных с периодом культа личности, был несправедливо заключен в тюрьму человек, а после освобождения подвергнут ограничениям места жительства, то такое положение являлось нарушением и буквы, и духа закона.

И осуждать **сегодня** людей, которые **в то время** помогли этому впоследствии полностью реабилитированному человеку избежать этого ограничения, — нам кажется по меньшей мере несправедливо как по «букве» восстановленных ленинских норм, так и по их «духу».

Именно такой случай и произошел с Шашковым. И именно действие людей, которые **в то время** «устроили прописку» Шашкову, тов. Н. Жогин сегодня квалифицирует как обход закона и осуждает тех, кто не видит в этом «ничего особенного»! Нельзя не заметить, что все это очень странно звучит в наше время. Удивляет, что трудная судьба человека, в защиту прав которого и выступила газета, обойдена в реплике молчанием.

И ПОСЛЕДНЕЕ. По делу С. И. Шашкова выступала «Литературная газета», и именно ей заместитель Генерального прокурора СССР следовало бы своевременно направить свой ответ, так как в статье речь шла и о действиях его подчиненного. Такое положение — об обязанности отвечать на выступление газеты — установлено Центральным Комитетом партии. В данном случае тов. Жогин нарушил его.

ПЛОДЫ РЕДАКЦИОННОГО ПРОИЗВОЛА

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Прочитал я литературный фельетон Н. Ильиной «Лежими касаньями мизинцев...» («Литературная газета», № 18), где, в частности, содержалась критика в мой адрес, и хочу внести ясность.

Я никогда не писал рассказ под названием «Санка». Посылал я в редакцию журнала «Крестьянка» совершенно другой рассказ и одновременно сообщил, что пишу повесть. Журналу рассказ не подошел. Тогда, по просьбе редакции, я выслал несколько отрывков из повести, сопроводив их кратким пересказом содержания произведения в целом.

Не известие меня о своих намерениях, редакция спустя несколько месяцев опубликовала один из отрывков под названием «Санка». Никакого предисловия к нему сделано не было, появившимся внезапно пометка «Рассказ» нарушила дело. Получилось, будто сам автор считает этот отрывок вполне законченным литературным произведением, в котором полностью раскрыты характеры героев, мотивированы поступки, исчерпан сюжет и т. д.

Нужно ли удивляться, если теперь у читателей и «Санки» масса претензий? И критику фельетониста Н. Ильиной я, как автор, считаю вполне обоснованной.

Е. КАЛАШНИКОВ

МОГИЛЕВ

Туркменская ССР. Яркие солнечные лучи освещают снежные хребты Копет-Дага. А внизу, согретая южным солнцем, земля принимает зернистые зерна. Тракторные агрегаты колхоза «Ленинград» Ашхабадского района день и ночь работают на полях, раскинувшихся у подножия Копет-Дага. Здесь семь тысяч гектаров, почти в шесть раз больше прошлогоднего.

На снимке: сев пшеницы в колхозе «Ленинград». Фото **К. Мурадова** (Фотохроника ТАСС)

Литературные игры

ЧИТАТЕЛЬ КОММЕНТИРУЕТ

Аленький, маленький,
Круглый, блестящий,
С каждой неделей
Становится слаще.
В руке его росточка,
Внутри его косточка.

«Подумай — найдешь ответ». Составитель А. Орудженя, редактор Г. Даллаин. Азербайджанское государственное издательство учебно-педагогической литературы. Баку, 1964.

Игорь Пуппо, «Запорожье». Газета «Индустриальное Запорожье». 16 января 1965 г.

Интересно, а нам будет доступен фантастический язык «инопланетян» в повелительном наклонении? спрашивает запорожец Г. Николаев.

* *

Ой ты, песня-песенка девичья,
Ты лети, как ясный солнца свет.
И бойцу на дальнем пограничье
От Катюши передай привет.

Ю. Поделк из Ю. Пучачева. **Очерк «Пневмонния». Журнал «Наука и жизнь», № 1, 1965.**

— Это чистосердечные из популярной песни авторы окна приходят, чтобы проиллюстрировать известное положение: наивысшая скорость — скорость света. Лермонтов и поэтам не чужда физика. Только дело-то в том, что Катюша посылает свою песенку совсем не «как ясный солнца свет», пишет Ф. Флейшман (Москва). — Вторая строка читается совсем по-другому: «За ясным солнцем вслед».

Что же это? — спрашивает москвичка Н. Борчанинова. — Впрочем, никогда и не догадались бы, не будь тут же в книжке, в специальном разделе, ответа — вишни. А хотите еще одну загадку: для кого предназначаются эти стихи-загадки, в которых вишня — мужского рода? Тоже не догадаетесь. Они выпущены в помощь изучающим русский язык.

* *

«Февраль—последний месяц зимы, по-пушкински—«пора метелей злых и бурь».»

Н. Панков. «Зима с летом встречается?». «Вечерняя Москва», № 42, 1965.

— Почему же «по-пушкински?» — спрашивает москвич А. Виноградов. — Эти слова — из стихотворения А. Н. Плещеева «Весна».

* *

Стрелу Днепра
на луч тугой плотины,
Ты, Запорожье,
ложишь для добра,

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

I

СОВЕТЫ НАЧИНАЮЩЕМУ

1. Поэтом можешь ты не быть.

2. Перед декадой казахского искусства не следует переводить с армянского.

3. Не переводятся имена собственные, как то: фамилии героев, названия городов, рек, озер и т. п., а также слова: аул, кишлак, хата, ишак и т. п., а также непереводимая игра слов.

4. Выбирай подстрочник, не выбирай ужина, с какого языка он сделан.

5. Не все древнее — греческое.

6. Не все греческое—древнее.

7. Если ты плохо перевел Шекспира, не говори: «Так было у автора!»

8. Если тебе дали переводить Бернса, не воображай, что ты — Маршак.

9. Переводя с нескольких языков по подстрочникам, не считай себя полиглотом.

10. Не все то вольный перевод, что не имеет никакого отношения к подлиннику.

11. Стихи по возможности следует переводить стихами.

12. Будь скромен. Пока не заключен договор с издательством.

II

БЕЗ ПОДСТРОЧНИКА

Плохой автор дал объявление: «Ищу хорошего переводчика!»

В его стихах не было ничего оригинального. Поэтому их везде принимали за переводы.

За хорошую книжку принято хвалить автора, за плохую — ругать переводчика.

Скажи мне, кто твой переводчик, и я скажу — кто ты.

Евгения ГАИ
Феликс ЛЕВ

ЗАЧЕМ!

Как, вероятно, и другие читатели, увидев в журнале «Знание — сила» статью Г. Подольного, я с интересом принялся читать. Привлек меня и заголовок — «Модели эмоций», — раскрывающий тему статьи, и лаконичные, выразительные подзаголовки: «Студент из ленты», «Зачем?», «Как?», «Итак, Эмик», «Эмик слушает». Одним духом прочел я эту во многом любопытную статью. Но та часть ее, которой предпослан подзаголовок «Зачем?», невольно вызвала и у меня этот же самый вопрос.

В самом деле. Вот что тут сообщается:

«Слово — творение Лермонтова, начинающееся словами «На севере диком», — перевод стихов Гёте. Перевод, казалось бы, не очень точный. В нем на месте кедра стоит сосна, есть и другие смысловые замены».

Прочитав эти строки, я сразу подумал: зачем? Зачем понадобилась эта мистификация?

Ведь и не лермонтоведам хорошо известно, что упомянутое стихотворение принадлежит не Гёте, а Гейне; что лермонтовский перевод сокращено точен: как и в оригинале, сохранена сосна, несмотря на то, что при этом исчез мотив любящей пары, так как по-немецки сосна (Fichtenbaum) мужского рода.

И еще одно. В оригинале никакого кедра нет. Появился же он лишь в переводе того же стихотворения у Тютчева. Вот:

На севере мрачном,
на дикой скале,
Кедр одинокий,
подъемлясь,
белеет...

Но Лермонтов тут ни при чем. Так перевел Тютчев.

Вот почему и у меня возник вопрос: зачем?

Ведь сообщая нашим читателям, автор должен знать, о чем идет речь. Недаром говорится, что знание — сила.

В. САМСОНОВ

новости * НЕИЗВЕСТНЫЕ СТИХИ МАКСИМА РЫЛЬСКОГО * Рецензии на книги В. Федорова и З. Шашкина * Заметки о спектакле «Волки в городе»

СУДЬБЫ МИРА И КРАСОТЫ

Михаил ГОДЕНКО

В МОИХ РУКАХ томик стихов Василия Федорова. Он издан в Новосибирске в «Библиотеке сибирской поэзии». Читаю и перечитываю знакомые строки. И переживаю вторую встречу с поэтом.

Впервые я узнала его в 1947 году. Мы, несколько студентов Литературного института, сидели в общежитии на узких койках, читали стихи «по кругу». Когда очередь дошла до Василия, он, чуть побледнев, отбросил со лба жесткий чуб, кашлянул, сказал:

А на виске две жилки бьются,
Две жилки бьются...
Любовь хранит: как поступить?
Переступить или вернуться?
Переступить или вернуться?
И решено — переступить!

Мне показалось, он решает самый важный для него в эту минуту вопрос: «Переступить или вернуться?» — и думает сейчас не только «О ней» — той, которой посвятил строки, он озабочен и другим: правильно ли выбрал жизненную дорогу.

Стихи В. Федорова — не просто зарисовки, фиксация мига жизни. В них всегда — живая мысль, поиск истины, понимание долга перед людьми и временем. Поэзия для него — не профессия, а высокое призвание и обязанность:

Если спросят,
Что так мало жил я,
Ты ответь, что я жил в бои,
Муки и страдания чужие
Принимал все время
Как свои.

Необходимость борьбы со всем, что нам мешает, борьбы за человека, за чистоту его убеждений, за его сердце — поэт несет по власти этих устремлений, этих мыслей. Они находят свое воплощение в стихах и поэмах.

Василий Федоров. «Стихи». («Библиотека сибирской поэзии»). Западно-Сибирское книжное издательство.

«Рабская кровь». «Трудная гордость», «Сердца».

В этом ряду особое место принадлежит «Хозяйке».

Колхозница Авдотья из далекой Марьевки судит о наших делах строго и справедливо:

И продолжала без утайки,
Сидила без обиняков.
Как вседержавная хозяйка,
Сельскохозяйственных и пайков.
Колнула областное око.
Бросала и повыше взгляд —
Да тех, кто чуит издалека
Доить коров.
Поить телят.

Она-то, Авдотья, и есть настоящая хозяйка села, подлинная хозяйка жизни.

Большое место в книге занимают стихи о любви. Любовь!.. Какой же настоящий поэт обошел эту тему! Она неисчерпаема и всегда неповторима. И каждый здесь первооткрыватель:

Любовь,
Как жажда истины,
Как свободы
Есть и пить.
Я, может быть,
Единственный
Умеющий любить.

«Кингой любви» назвал поэт одну из последних своих работ (она не так давно издана «Московским рабочим»). В сборнике, в котором я пишу, есть целый цикл из нее. Даже его достаточно, чтобы понять, как искренне, талантливо, трепетно рассказано в «Книге любви» о прекрасном человеческом чувстве.

И в стихах о любви Федоров остается Федоровым: гимны торжествующей плоти переплетаются у него с философскими раздумьями. Но любовь от этих раздумий не становится суше и холодней, она лишь как бы поднимается на большую духовную высоту, очищается от приземленности.

Через все творчество Василия Федорова проходит живая, всеохватывающая философская тема — тема красоты. Она растет и ширится от стихотворения к стихотворению и, наконец, вырастает в целую поэму «Проданная Венера», где поэту с удивительным чувством и подлинной лиричностью удалось переплести судьбы сельской девушки Наташи Граевой с судьбой «Венеры» Тициана.

Василий Федоров написал много поэм. Но лучшей из них я считаю «Проданную Венеру». Она дорога мне тем, что время в ней предстает не в плоскостном, а в объемном виде. Поэма вбирает в себя характерные приметы нашей жизни.

Поэтесса Е. Стюарт, говоря в своем предисловии к рецензируемой книге о поэмах Вас. Федорова, отмечает как лучшую «Белую рощу». Помню, в свое время критика говорила о «Золотой жиле», ставила ее выше других.

Наверное, все мы по-своему правы: в каждой из этих поэм есть особая прелесть.

«Белая роща» подкупает сердечностью. Здесь и теплота материнских рук, и тоска по родным местам, и первое властное чувство любви...

В «Белой роще» отработана каждая строка, в ней нет ни одного лишнего слова.

Да, я понимаю Е. Стюарт! Понимаю и тех, кто сказал добрые, даже восторженные слова о «Золотой жиле». С какой силой любят герои, поэты они вечнозеленны в своем гневе, как щедры в доброте.

И все-таки—«Проданная Венера»! Почему? Потому, что в ней сказано еще раз — жизнь наша изображена в сложном, глубоком, в масштабно, и средствами истинной поэзии.

Итак, судьбы мира, любовь, красота — вот три господствующих мотива федоровской песни. Я слышу их очень отчетливо, а услышать их помогла новая книга поэта. Она — цвета свежей весенней зелени — лежит сейчас передо мной. Ее недавно привезли из Новосибирска, из города, где когда-то жил, учился, работал, писал стихи автор. Я читаю ее, перечитываю. И переживаю вторую встречу с Василием Федоровым. Что с того памятного дня осени 1947 года мы с ним никогда не расставались...

ЛЮБОВЬ КАК ФАКТОР ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

В. САХНОВСКИЙ-ПАНКЕЕВ

...ДАМЕШ вернулась с курорта со сложными чувствами. «Окинув взглядом свою фигуру, девушка недовольно поморщилась: обычно тонкая, гибкая, после курорта она несколько пополнела, не потеряв, однако, женственности». Не покинула ее и хрупкость — сестра женственности, нежности». Но что моделять! Придется, свято храня женственность, разлучиться с ее сестрой: ведь директор завода Каир не согласился со статьей Дамеш, тут уж не до работы. «В корреспонденции сказана правда, а без нее невозможно движение вперед».

И Дамеш вступает в борьбу. Битва ведется в горкоме, на общих собраниях, в кабинетах директора, главного инженера и парторга, а прежде всего в домашней обстановке. Ибо Каир влюблен в Дамеш, а Дамеш в Каира. Разумеется, это обстоятельство усложняет ситуацию, но нет худа без добра: Дамеш, борясь за то, чтобы задувать мартенбвскую печь воздухом, смешанным с паром, может апеллировать непосредственно к эмоциям.

«— Директор завода несет ответственность за выполнение плана. Я не могу очеря голову бросаться в рискованные и сомнительные предприятия, — пытается возражать Каир. —Неплохой щит для спокойной жизни,—звонко выкрикнула Дамеш».

Каир поручает главному инженеру и главному технологу разобраться в предложении Дамеш.

«— Разве у директора нет собственного мнения?

— Директору нужно знать мнение коллектива... Завод — часть большого государственного механизма. И этот механизм должен работать слаженно, безотказно.

— Я всегда считала, что красота мужчины в его уме,— обронила его рассуждения Дамеш и направилась к выходу».

Да, нелегко приходится бедному Каиру. Он даже вынужден бить на сладкие: «А средства кто нам даст, например? Хочешь, чтобы министр финансов отдал меня под суд за незаконное расходование средств?» Но — о, наивный! — он еще не знает всей меры твердости своей любимой. «— Если это важнее справедливости... и меня... тогда твоя правда,— ответствует Дамеш».

Итак, забудь про министра финансов, и — кроме победы технического прогресса — прекрасная будет твоей. Это поистине новаторская коллизия!

Неизвестно, как долго бы протянулось единоборство влюбленных, если бы не поездка Каира в Москву, на совещание руководителей черной металлургии. «Особенно понравилось Каиру выступление управляющего одного из трестов, который назвал сталь «кровью государства». Разве может нормально существовать живой организм, если кровообращение неправильно? Каир разделял мнение выступавшего».

Удивительное сходство столь оригинальных убеждений, естественно, заставило Каира в первые подойти к единомышленнику и побеседовать с ним. То, что он услышал, потрясло его до глубины души: «Да! На крупных заводах черной металлургии применяются технические новинки. Многие процессы плавки механизируются. Если раньше весь процесс литья производился вручную, то теперь широко применяются механизмы». Подумать только! Применяются технические новинки!

«Побольше бы таких совещаний!» — мысленно восторгается Каир. И по возвращении из столицы он созывает ряд совещаний, которые, подобно московскому, «обогащают человека, заставляют думать, искать истину...» Проект Дамеш принят. Тут и сказке конец...

Нет, нет, мы забыли, что в романе есть и другие мотивы, и они открывают нам много интересного. Дядя Дамеш — Аскар месяца два назад назначен главврачом. «Немного времени прошло с того дня, как он начал работать в больнице... Аскар открыл несколько новых кабинетов, а главное, весь район, который обслуживала больница, разбил на три участка и к каждому прикрепил медсестер. Два раза в день они совершали обход своих участков, обнаруживая тяжелобольных, немедленно направляли их в больницу. При легких заболеваниях оказывали помощь на месте». Об этих новациях Аскара одобрительно писала городская газета... Негодяй Муслим Мусин, стоявший разные козни против Дамеш, получил по заслугам. Жена его, весьма возможно, уйдет к Аскару... Мартеновская печь вылала сталь с опережением графика на час. И наконец: «Дамеш медленно поворачивается к Каиру и своими длинными, нежными пальцами поправляет упавшие ему на лоб волосы:

Не найти мне супруга лучше тебя,
Коль найдется, не будет он
лучше твоя...»

Лучезарным мажором звучит финальный аккорд: «Каир спешит за ней, и они рука об руку поднимаются все выше».

...МЫ НЕ коснулись многих тем, затронутых в романе З. Шашкина «Темиртау», не назвали многих героев. Право же, это не меняет общего представления о его литературном уровне.

Роман был написан еще в 1960 году. Спустя год Т. Алимжанов, рецензируя книгу на страницах «Литературной газеты», отметил: «Не всегда и не везде хватает автору... культуры живописи, культуры реалистического письма: конкретности, достоверности деталей, многокрасочности характеров. Некоторые эпизоды и поступки героев вовсе не обязательны и не становятся «движущей силой» в развитии сюжета... В романе мы присутствуем на многих собраниях, но ни в одном из них нет необходимости... очень мало развивает писатель те или иные эпизоды в последующих главах, что явно ослабило их впечатляемость».

Казалось бы, такой отзыв должен насторожить автора, заставить его трезво-критически окинуть взглядом на свое творение. К сожалению, этого не произошло. Недостатки первого казахского издания сохранены в русском переводе. Стремление издательства «Молодая гвардия» знакомить всесоюзного читателя с творчеством писателей братских народов заслуживает всяческой поддержки. И хороший опыт. Здесь надо иметь опыт, учитывающий непременное условие — не снижать идейно-эстетических критериев. В данном случае своей нетребовательностью издательство оказало дурную услугу и читателю, и автору.

3. Шашкин. «Темиртау». Роман, перевод с казахского. Издательство «Молодая гвардия».

ИСКРЫ БОЛЬШОГО ОГНЯ

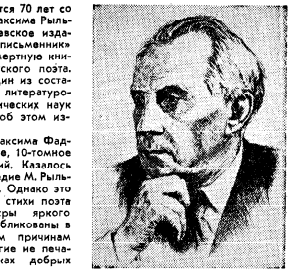
19 МАРТА исполняется 70 лет со дня рождения Максима Рыльского. К этой дате киевское издательство «Радянський письменник» выпускает первую посмертную книгу выдающегося советского поэта.

Вот что рассказал один из составителей книги — поэт и литературовед, доктор филологических наук Степан Крыжановский об этом издании:

— Еще при жизни Максима Фаддеевича вышло большое, 10-томное собрание его сочинений. Казалось бы, литературное наследие М. Рыльского хорошо известно. Однако это не совсем так. Многие стихи поэта разлетелись, как искры яркого костра. Одни были опубликованы в периодике и по разным причинам не вошли в книги, другие не печатались, оставались в руках добрых друзей поэта...

Мы поставили перед собой задачу—дать «несобранного» Рыльского, и решили назвать первую посмертную книгу его стихов шевченковскими словами — «Искры большого огня». Что же нового в этой книге? Для широкого читателя — все новое, от первых стихов, написанных в начале века, и до раздела «Последние песни», частично опубликованного в украинской периодической печати. Кстати, многие стихи этого раздела и особенно из цикла «Тайна осенних листьев» можно назвать подлинными поэтическими шедеврами. В книгу полностью вошел цикл любовной лирики — «Последняя весна».

Кроме лирики, в книге помещены две ранние поэмы Рыльского. И, конечно же, с интересом будут встречены стихи начала 20-х годов, такие, как, скажем, «Великий Октябрь» или «К годовщине смерти Ленина».



Портрет М. Рыльского работы народного художника СССР В. КАСНЯЕВА.

Примечательны стихи М. Рыльского последних лет — простые и ясные, очень искренние, мудрые и глубоко человечные. И в этой новой книге, где многое из его наследия публикуется впервые, Рыльский предстает зрелым певцом коммунистических идеалов и любви к людям, поэтом, верящим в счастливую звезду своего народа, проповедником братской дружбы между народами.

КИЕВ. (Наш корр.)

Максим РЫЛЬСКИЙ

Из цикла «Последняя весна»

* * *

Всю душу бы тучке отдать
Белокрылой
За то, что ты тенью
обласкан немного,
Всю душу отдать бы земле
этой милой,
Ведь топчут ее твои милые ноги.

Всю душу ла взглядй,
пусть улыбки — химеры,
За голос, который лукавинку
скроет,
За счастье без меры,
за горечь без меры,
За то, что ты, может быть,
создана мною.

* * *

Я изменил тебе или искал
отраду —
Ты знаешь это.
В каждом карем взгляде
И в черном, в синем я всегда
искал
Запрятанное: «Любишь ли?» —
«Люблю».

В моей измене все звенит тобою,
Все полнится, как паводок весною.
В улыбках губ чужих сила ты,
И каждый грех — мученье
чистоты.

* * *

Ты в ревности и в зависти такой,
Лишь брошу взгляд я женщине
другой,
Что через улицу легко идет одна.
Как мотылек, — я думаю: она!

Ведь это ты! Подумай, в самом
деле,
Не две души в моем гнездятся
теле,
А сотня целая, они всегда
в борьбе,
И для тебя одной, и все они —
в тебе.

Скажу я: ты —
Не только друг желанный —
Ты жизнь и смерть!
Когда у Дон Жуана
Гость Каменный

Заставил стынуть кровь,
Он обессмертил смертию любовь.

* * *

Я пришел усталый, обессилев,
Молчаливый, мертвеца страшней,
Не молил, не плакал, не просил ...
Я сказал лишь: обогрей.

Стены хаты молчаливо стали,
Только сердце — чье же? —
билось здесь...
А над крышей ласточки летали,
Щебетали, пели: счастье есть!

Голову склонил я на колени
В забытьи, и смертельно-нежном
сне.
Я не знаю, эти вот мгновенья,
Рав еще присниться в жизни мне...

* * *

Ласточки и дети за окном,
Жизнь повита синим, синим сном,
Гром далекий, тучки легкий дым,
Салютует он глазам твоим.

Я тебя не знаю — ну, а ты?
Я писал страницы и листы,
Ты читала их словесный шквал,—
Понимала? — Я не понимал.

Забелели руки — два крыла.
Мгла грозою синею пришла,
Жаркие уста, но слова нет —
На мое письмо — таков ответ.

* * *

Нет, ничто не умрет во вселенной,
В ней малейший останется вяуь,
Через тысячу лет непременно
К нам вернется пожатие рук.

Горечь та, что меня отравила,
Счастьем станет во внуке моем,
И слова отзовутся открыло
Тишиной, обернувшейся в гром.

Все влюбленные — вечно
бессмертны!
Только больше им боли да муК...
«Так воивай же мне, ангел
вчерашний,
В сердце острый французский
каблук!»

1945 г.

Перевел с украинского
Юрий САВИКО

ПО-МОЕМУ, ЗДОРОВО!

Леонид ЛЕНЧ

ПОЛУЧИЛОСЬ так, что сначала я прочитал пьесу А. Шейнина «Волки в городе», опубликованную в журнале «Октябрь» (№ 1 за 1965 г.), а уж потом посмотрел ее эстрадный вариант в исполнении М. Мироновой, А. Менакера и В. Малкова, поставленный режиссером Д. Тункелем.

Мне нравится в пьесе злободневность и достоверность. Нравится острый, умело «закрученный» сюжет, добротная авторская осведомленность обо всем том, о чем он пишет. А пишет он о жуликах, о кнцбнниках-спекулянтах, об их опасной деляческой активности, об их угловных проделках. И о том, как их обезвреживают органы охраны общественного порядка.

Не нравится в пьесе перегрузка ее персонажами, которые не действуют, а лишь нечто обозначают. Персонажи эти лишены характеров, по воле автора они лишь «работают на сюжет». Есть в пьесе риторика и совсем не обязательная дидактика, особенно в рассуждениях следователя Воронова, ведущего следствие по делу Букара, он же Букашвили, Букашьян и Буковер.

Признаться, я шел на эстрадный спектакль «Волки в городе» с чувством недоверия. Как можно на трехактной пьесе сделать эстрадное представление в одном действии? Ведь чудес, как известно, не бывает!

И тем не менее «чудо» произошло! Пьеса на эстраде смотрится с большим интересом. Видимо, не случайно жулик Букар (в спектакле Буков), являясь в пьесе следователю на свои злоключения, восклицнул: «Это же номер для театра эстрады!»

Режиссер Д. Тункель поставил пьесу изобретательно и умно. И при том чисто эстрадными приемами. Никаких декораций, реквизита, грима, и в костюмах героев характеризуют лишь детали. Вот А. Менакер снял, например, защитного цвета накидку и военную фуражку, надел на «бочок» серую фантовую кепку, и перед нами уже не отставной полковник Громов, случайно напавший на след жулика, а сам жулик Буков—Букашвили—Букашьян—Буковер, остряк и уголовный философ. И зритель этого вполне достаточно, зритель верит артисту.

М. Миронова играет в пьесе три роли: взяточницу Круглову из Текстильстраба, ее жертву — скромную секретарш Морозову и «светскую даму» спекулянтку Кухареву. Артистка блистательна в своих превращениях. Ее Круглова страшна изворотливой алчностью, неуемной жадностью, оголенным цинизмом. Морозова трогает своей доверчивостью и беззащитностью, а Кухарева смешит глупой убежденностью в том, что ей, супруге влиятельного лица, «все можно». Актерские краски М. Мироновой неувядаемо ярки и оригинальны. Радует А. Менакер. У него не менее трудная задача: сыграть полковника Громова и жулика Букова. К тому же Буков говорит с грузинским акцентом, когда он Букашвили, с армянским акцентом он Букашьян и с еврейским, когда он Буковер. На сцене же дели он — по Шейнину — сын немца и цыганки! А. Менакер отлично справляется с этой трудной задачей: он, оставаясь артистом эстрады с ее доходчивостью, создает впечатляющие образы. Хочется отметить также артиста В. Малкова в роли следователя Воронова. Он убедителен и тактичен. Держится на эстраде Малков легко и непринужденно.

Во втором отделении концерта М. Миронова и А. Менакер показывают свои старые эстрадные работы. Хорошо идет «Душа населения» — остроумный монолог покойного В. Дыховичного, исполняет его М. Миронова темпераментно и остро. Трогает «старуха-мать в маленькой эстрадной комедии Я. Зискинда «Сыночек». В забавной шутке В. Полякова «Плохое настроение» артисты заставляют зрительный зал много и от души смеяться.

Итог, в общем, такой: эксперимент с превращением трехактной пьесы в одноактное эстрадное представление удался. Новый концертный вечер М. Мироновой и А. Менакера — их несомненная удача.

Ни акафист, ни обвинение

заметки критика

И. ДЗЕВЕРИН

В ЖУРНАЛАХ и газетах печатается великое множество рецензий на новые романы, повести, пьесы, сборники стихов. Полезно подумать о том, многие ли из них глубоко раскрывают смысл и значение рассматриваемых книг, аргументированно указывают на удачи и просчеты авторов. Ведь задача критики состоит-ся за высокую идейность и мастерство нашей литературы — распространяется на все критические жанры: от проблемной статьи до маленькой аннотации, и места рецензий из новые книги в общей литературно-критической работе трудно переоценить.

Что прежде всего бросается в глаза при чтении наших периодических изданий? Существует некий «типовой проект» рецензии, имеющей весьма далекое отношение к большим задачам литературной критики. Выглядит этот стандарт примерно так: беглый пересказ содержания рецензируемого произведения и определение его «основной идеи» (автор утверждает своим произведением то-то и то-то), невнятное замечание относительно «выразительности образов», «стройности композиции», «прозрачности языка» и т. п., и в заключение вывод: «несмотря на отдельные недостатки», данное произведение представляет собой «заметное явление». Словом, ведется малозатрагивающий существо дела разговор с «выставлением баллов»...

Причем чаще всего — зашкаливает. Ибо второе общее впечатление, которое выносишь из знакомства с критической периодикой, — «засилье» рецензий безудержно хвалебных. Это не случайно: о масштабе принципиальных, больших задач критики многие рецензенты забывают, когда пишут всего лишь «отзыв»...

Перед нами один из номеров газеты «Літературна Україна» от 17 октября прошлого года, где помещены под рубрикой «Раздумья над новыми произведениями», пять рецензий,—речь в них идет о книгах украинских писателей-сатириков. Но обещанных «раздумий» здесь, прямо сказнем, негусто.

Вот что, к примеру, узнаем мы о сборнике фельетонов и юморесок Виктора Безордько «Соломенная шляпа» из рецензии, принадлежащей перу С. Гунько. Это «толстенькая, на 200 страниц с лишним, книжка». На ее обложке «нарисованы симпатичная чернобровая девушка, рогатая коровка и усатый дядя». Писатель адресует свой сборник «всем читателям, независимо от возраста, профессии и должности». Так, «руководителям колхозов, которые должны в своде дописывать сотни «они сплоса, он по роскоши дует ходить на ферму в соломенной шляпе. Почему? Почитайте юмореску «Соломенная шляпа» и узнаете». Понравилась также рецензенту юмореска «Распрягались». Но и о ней он не станет говорить: «...будет ли тогда интересно читать?» И еще: в юморесках Безордько есть и лирика, «хоть и немного, а есть» (следует цитата); «в кого только не целится острое перо сатирика!» (следует перечень); обо всем автор «пишет коротко, остроумно, правдиво...» (за этим ничего, кроме многоточия, не следует). Вывод: в книге «встречаются огрехи», однако «в общем сборник хороший, нужный»...

Не утруждают себя поисками аргументов в пользу предлагаемых оценок и некоторые другие рецензенты. Так, А. Гладышев, автор отзыва о сборнике поэта-сатирика Алексея Малина, приводит построчку цитаты из двух, по его мнению, лучших, стихотворений сборника и безапелляционно заявляет, что «именно таких произведений там большинство». Проторенным путем пошел и Л. Миняйло в рецензии на сатирическую повесть Юрия Пархоменко «Благодарность их пресвященства».

Рецензент прав, когда отмечает, что повесть эта не принадлежит к «черняхам и пугоропожним писаниям», что «тут есть над чем посмеяться, есть над чем и задуматься». Но в каком виде, с чем, что совершенно свободна от недостатков? Л. Миняйло, видимо, так и считает. Во всяком случае в своей довольно большой рецензии он не высказал ни одного критического замечания о произведении писателя. А жаль — поспорить здесь есть о чем.

Юрий Пархоменко задумал целью представить в сатирическом освещении такие бытующие у нас методы борьбы с нашедшим дурном, которые не только не являются эффективными, но могут даже нередко бросить в сторону церковников. И он во многом достиг этого. Скажем, один из героев повести, писатель Арсуненко, создал, казалось бы, остросатирическое произведение о «пятидесятнике» А. Аннисове Вобрицкий, другой персонаж, не без оснований утверждает: «Да когда над этим попиком будет смеяться не один, а тысячи Архипрев, то и тогда вреда нисколечко!.. Мы смело говорим пастве: «Да есть у вас еще и сожаленцы, недостойные слуги господни... Мы их разоблачаем (в том числе и при помощи прессы) и гоним вон!» Метко? Несомненно.

Но вот как раз при обрисовке образа Вобрицкого в повести и допущен художественный просчет. Вобрицкий — церковник, считающий с явлениями времени, мнемерно проповедующий, «тобжомуглиэ», что «пора, к чему стремится и черковь». Но и о ней он не станет говорить: «...будет ли тогда интересно читать?» И еще: в юморесках Безордько есть и лирика, «хоть и немного, а есть» (следует цитата); «в кого только не целится острое перо сатирика!» (следует перечень); обо всем автор «пишет коротко, остроумно, правдиво...» (за этим ничего, кроме многоточия, не следует). Вывод: в книге «встречаются огрехи», однако «в общем сборник хороший, нужный»...

Не утруждают себя поисками аргументов в пользу предлагаемых оценок и некоторые другие рецензенты. Так, А. Гладышев, автор отзыва о сборнике поэта-сатирика Алексея Малина, приводит построчку цитаты из двух, по его мнению, лучших, стихотворений сборника и безапелляционно заявляет, что «именно таких произведений там большинство».

В том же номере журнала «В мире книг» читателям предлагается еще около десятка таких «рецензий». И авторы всех их пользуются только оскорбительными красками... Допустим даже невероятное: что все рецензируемые здесь произведения действительно шедевры художественного слова. Но, во-первых, это не особоюдало рецензентов ди идеала и здесь еще далеко, а во-вторых, я говорю не столько о газете, сколько о личных мнениях рецензентов...

КОНЕЧНО, причины появления таких рецензий-напегириков не только в том, что такие рецензии писать легко и просто. Нашей критике вообще все еще слишком часто недостает **взыскательности**, высоты идейно-эстетических критериев, и об этом прежде всего должна идти речь, когда мы говорим о рецензиях.

Обращает на себя внимание, в частности, пышный расцвет в наших печатных органах особого вида рецензий, в которых не столько **рецензируется**, сколько **рекламируется** новые произведения и которые поэтому ровным счетом ничего не дают ни автору, ни читателям.

Для наглядности приведем полностью отзыв литературоведа В. Герасимовой о сборнике стихов М. Борисовой, напечатанный в критико - библиографическом ежемесячнике «В мире книг».

«ТЕПЛЫЕ СТИХИ

«Белый свет» — заглавие-символ поэтессу волнует все, что творится на белом свете. Ее стихи проникнуты чувством времени («Стонала сухая береза», «Стихи о звездах»). Но в книге много и «личных» стихотворений. Это и «Колыбельная городу», и «Операция», и «Человек на ходу задумался», и «Прятельница Гете».

Что сказать о форме стихов? Она незаметна при чтении, и это, пожалуй, лучшая похвала. Поэтическая «лесенка» придает стихам хороший ритм.

«Белый свет» — первый сборник М. Борисовой, изданный в Москве. Три предыдущих вышли в Красноярске».

СИЛЬНЕЕ КАНОНАД

«Человечский голос всегда сильнее, чем самая сильная артиллерийская канонада», — так заканчивает один из своих военных очерков, написанный в 1942 году, украинский писатель Антин Тимонен.

Возвысить голос против войны — значит неустанно бороться за мир и дружбу между народами — эта мысль объединяет очерки и статьи Антти Тимонена, вошедшие в его публицистический сборник «Под грозой и солнцем». (Карельское книжное издательство).

Очерки писателя о времени, путевые заметки после поездки вокруг Европы, в Финляндию и на остров Свободы — Куба, зарисовки жизни Советской Карелии, сделанные в самые последние годы... Мы встречаемся с карельскими лесорубами и финскими писателями, кубинской девушкой Ольгитой и сержантом Советской Армии Карху, гизелитыньцей Михеевой и знатным рыбаком Мануилом Кундозеровым. Неизмалыми штрихами — яркими, сочными — создает писатель портреты наших современников, передавая то главное и важное, что раскрывает сердце людей, определяет их поступки, мысли.

Во вступлении к сборнику Антти Тимонен написал: «Борьба за мир и дружбу между народами началась не вчерашним и не завтра закончится... Этой единственной теме я и хотел посвятить свои очерки и статьи...»

РАДОСТНОЕ ЗНАКОМСТВО

...До районного центра, куда едет наш рассказчик, молодой инженер, врач, не так-то легко добраться. Путь идет через горы по узенькой тропине перевала. Иногда тропка прерывается, и приходится, замирая от страха, переходить нависшие пропасти «по тонким шатким бревнам, засыпанным землей и гравием». В дороге Марцо и его проводника — тувинца Алдар-оола застает обвал, снежная буря. Но маленький караван благодаря мужеству и самообтверженности Алдар-оола добирается до места назначения.

Этот трогательный рассказ (он называется «Дружба») принадлежит перу тувинского писателя Олега Сагаа-оола и опубликован в сборнике «Тувинские рассказы» (издательство «Советская Россия»). Сюда вошли рассказы Салчака Тока «Охота на волков», Сергея Пюрбю «Повесть об Эргеллее», Степана Сарыг-оола «Мудрые глаза», Сенгиля Сюрюн-оола «Хороший урок». Салчака Сергена «Случай с охотником», Кундуна Аранчаа «Марал», Ондара Бичеоола «На зимнее пастбище».

Восемь рассказов — восемь встреч с писателями разных поколений, повествующих о жизни своего народа, неизмеримо изменившейся, а теперь строящего новую жизнь.

поздравляем юбиляров

Виктору Шишову — 50 лет

Виктору Николаевичу Шишову, секретарю правления Союза писателей РСФСР по оргвопросам, исполнилось пятьдесят лет. Юбиляра тепло поздравили правления Союза писателей СССР, Союза писателей РСФСР, московской писательской организации, товарищи, друзья по работе.

В приветствиях отмечается многолетняя плодотворная деятельность Виктора Николаевича Шишова в писательских организациях.

*

Ваши яркие книги послевоенного времени снискали любовь юношеского и взрослого читателей, получили высокую оценку литературной общественности.

От души желаем Вам, дорогая Фрида Абрамовна, крепкого здоровья и полного творческого настроения, счастья!»

Ф. Вигдоровой — 50 лет

Исполнилось 50 лет известному советскому прозаику Фриде Абрамовне Вигдоровой. В день юбилея она получила от московской писательской организации приветствие:

«Дорогая Фрида Абрамовна! Московские писатели, глубоко уважающие Вашу талантливую работу прозаика и литературоведа, шлют Вам сердечные поздравления по случаю Вашего юбилея.

*

«Литературная газета» от всего сердца поздравляет юбиляров.

«ГРАН ГИНЬОЛЬ» — РОССА МАРКА

Вверху над картой: «Сокрушительная сила самого могущественного полицейского в мире». На карте справа вверху: Седьмой флот США, действующий на Дальнем Востоке. Ниже следуют подписи: 650 самолетов, 4 авианосца, 3 крейсера, 30 эсминцев, 8 подводных лодок, 25 судов-амфибий, 44 вспомогательных судна.

В ПАРИЖЕ закрылся знаменитый «Гран Гиньоль» — «театр ужасов»: публике надоели сценические страхи, и самая изощренная фантазия драматургов не смогла придумать кошмаров, которые привлекли бы зрителей. Король инфлюэнсов Жиннон перенимает кризис (по той же причине). На место их наследника претендует, как видно, вашингтонский корреспондент английской газеты «Дейли экспресс» некто Росс Марк, специализирующийся в жанре «массовых кошмаров». Над его статьей «Флот, готовый вступить в действие» помещена карта, которую мы воспроизводим. Она рябит от разбросанных по ней военных самолетов, авианосцев, крейсеров, подводных лодок. Все они, говорят нам, с ядерными зарядами, способными нести смерть тысячам и миллионам жителей Азии. В моменты, когда вы читаете эти строки, — пишет Росс Марк — находящиеся в боевой готовности ударные силы Седьмого (американского) флота, костяк которых составляют около 30 тысяч солдат морской пехоты, занимают выгодные позиции неподалеку от берега, хотя и вне пределов видимости с земли. В любой момент они могут быть с ошеломляющей стремительностью и с неудержимым напором брошены на берег». Вам еще не страшно? Тогда читайте дальше: Седьмой флот получил мощное подкрепление: подводные лодки «Поларис», каждая из которых вооружена 18 ракетами с водородными зарядами, способными поразить любые цели на территории Китая. Отныне подводные лодки «Поларис» держат под прицелом объекты не только в Советском Союзе, но также и в Китае.

Словом, на ночь читать лучше не читать. Но читать ее утром тоже не стоит: слишком уж белыми нитками шита эта страшная. В отличие от некоторых других, более тонко работающих коллег, наш поставщик газетных ужасов механически перемешал атомные стражи с безудержным восхвалением невероятнейших качеств американского флота. Это даже не восхваление, а причудливая реклама, сделанная по примитивным рецептам американских лаборников. Один эпитет чего стоит: «сокрушительная сила», «ошеломляющая стремительность», «шутки с ним плохи» и т. п. Так и напрашивается вопрос: сколько заказчик заплатил за эту рекламу?

Поначалу, однако, проведение сих предназначается, по всей видимости, не только и не столько для внутриамериканского употребления, уместнее поставить другой вопрос: нашим целям оно призвано служить? Мне кажется, ответ можно найти в комментариях американских газет к событиям в Индокитае, которые признаются, что «начинка устрашающих налетов на мирную северовьетнамскую территорию не приносит плодов. Очевидно, решили «подпрыгнуть» эти налеты и другими видами «устрашения», в частности сенсационными газетными сообщениями. Росс Марк явно пугает. Его репортаж написан, так сказать, с позиции: Настойчиво, мол, сильны американские империалисты, что они справятся с любым и каждым!

Но не напрашивается ли мысль, что, если бомбы и снаряды не смогли сломить мужество борцов за свободу и независимость Вьетнама, то усилия Росса Марка не более чем попытка с негодными средствами? Вьетнамский народ уже показал, что он прекрасно справится со всеми любителями пускать в ход большую дубинку.

Вадим КОЖЕВНИКОВ

БЕССМЕРТИЕ КОММУНЫ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

ПОСТАНОВКА подобных вопросов свидетельствует лишь о том, что мне — историку, выступающий против «завербованной» истории, волею или неволею выражает старую, весьма «завербованную» тенденцию буржуазной историографии. Еще в конце двадцатых годов, например, судейский чиновник Ж. Лароча в своей книге «История Коммуны 1871 г. Правосудие» (ее тоже объявляли «беспристрастной») писал: «Коммуна не была ни социалистической, ни даже революционной». Подобные утверждения, проходящие лейтмотивом в сочинениях многих буржуазных авторов, трудно принять всерьез. Даже самое элементарное знакомство с деятельностью Коммуны опровергает их. Кстати, не кто иной, как сам Тьер, точно определил природу Коммуны, когда он радостно, хотя и преждевременно воскликнул после ее поражения: «С социализмом покончено!»

Конечно, Коммуна была весьма сложным явлением. Среди ее деятелей практически не было последовательных поборников научного социализма. Здесь в основном прудонисты, бланкисты, неоякобинцы. Они весьма смутно, а то и прямо ошибочно представляли себе перспективу революционной борьбы. Но инстинктивное революционное творчество пролетариата, то, что Ленин назвал «гениальным чутьем проснувшихся масс», логика классовой борьбы пролетариата привели к тому, что Коммуна с самого начала стала на путь социалистической революции, оказавшись тем самым провозвестницей Октября 1917 года.

Характерно, что публикуемая Ж. Ружери речь пламенной революционерки Луизы Мишель, с которой она выступила на суде, показывает, что передовые борцы Коммуны вдохновлялись прежде всего идеей социального переворота, как бы смутно он ни представлялся. С мужеством и гордостью отвергая милость палачей, она говорила им в лицо: «Я не хочу защищаться, я не хочу, чтобы меня защищали. Я вся принадлежу социальной революции. Вполне и полностью принимаю ответственность за все свои поступки... Меня называют соучастницей Коммуны. Это, разумеется, правда, поскольку Коммуна стремилась прежде всего к социальной революции, а социальная революция — мое самое заветное желание».

Какие же еще «истинные проблемы» и притом «впервые» ставят новые претенденты на создание подлинной истории Коммуны? Дени Рише, рекламирующий на страницах «Нувель обсерватэр» книгу Жака Ружери, так формулирует одну из них: «Было ли мартовское восстание первой революцией XX века или последней революцией XIX века? Заря или сумерки? Неудавшийся Октябрь 1917 года или последняя вспышка старого «санкюлотизма»?

Самый метод постановки «истинных» проблем характерен. Он отражает типично метафизическую неспособность или нежелание увидеть в историческом явлении сочетание различных тенденций. Дело в том, что Коммуна была «последней революцией XIX века», поскольку она, в частности, нанесла решающий удар по попыткам реставрировать монархический строй во Франции, решая тем самым демократическую задачу, стоявшую и перед прежними революциями. Но вместе с тем, и в этом тоже непреходящее историческое значение, Коммуна была «первой революцией XX века», ибо впервые гегемоном революции стал рабочий класс, установивший демократию принципиально нового, пролетарского характера, приступивший к социалистическому переустройству общества.

К числу вновь поставленных «истинных» проблем Коммуны «Нувель обсерватэр» относит и следующую: «Помимо существующих объяснений — любвеобильных или бланкистских, интернациональных, или патриотических, — нельзя ли в ней обнаружить отголоски древних подсознательных устремлений народа?» Безусловно, можно, если речь идет о естественном, так сказать, врожденном стремлении к справедливости, свойственном человеческому существу во все времена, стремлении, которое проявилось во многих общественных движениях очень разных эпох.

Однако смысл этого, с позволения сказать, исторического психоанализа, видимо, в другом, поскольку «Нувель обсерватэр» перепечатывает из книги Ж. Ружери текст письма одного безвестного жителя Парижа времен Коммуны. Автор письма протестует против мероприятий Коммуны по борьбе с проституцией и по поднятию уровня общественной морали и требует передать жен и дочерей богатых рабочим. «Указонь эту меру, чтобы ресчуф стыдливая Коммуна, — пишет он, — иначе мы пристуним к делу сами и, уверяю тебя, со всей решительностью. Увы, я говорю не о себе, потому что мой возраст позволит мне участвовать лишь в качестве зрителя в этом великом и славном торжестве, которое положит начало подлинной общности. Впрочем, даже если результат будет не таким грандиозным, как это мне представляется, пролетариат заслужил этот праздник. Слишком долго богатые и зажиточные присваивали себе самых красивых девушек, оставляя пролетариям только уродливых, глупых и сварливых».

Видимо, такое письмо действительно было написано. Но какое отношение оно имеет к Коммуне? И тем более к постановке «истинных проблем» Коммуны? Разве только, чтобы напомнить дряхлый анекдот о том, что необходимым элементом коммунизма является общность жен, анекдот, который был подвергнут уничтожающему сарказму еще в «Коммунистическом Манифесте» Маркса и Энгельса.

КСТАТИ, Дени Рише в ряд «истинных» проблем Коммуны, по-сталенных якобы впервые, включает и вопрос о том, «явилась ли она для Маркса просто проверкой его системы или же настоятельно потребовала коренного пересмотра его предшествующей теории революционной диктатуры?» Между тем давно хорошо известно, что опыт Коммуны блестяще подтвердил правильность теоретической гипотезы Маркса о слом буржуазной государственной машины, о диктатуре пролетариата, выдвинутой им еще задолго до восстания парижских пролетариев. В том-то и состоит величайшее значение практики Парижской коммуны для развития марксистско-ленинской науки, что эта практика не только не потребовала какого-либо пересмотра, тем более коренного, теории научного социализма, но, напротив, самым знаменательным образом подтвердила глубокую правильность этой теории. Вместе с тем опыт Коммуны, тщательно проанализированный Марксом, Энгельсом и Лениным, в огромной степени обогатил марксизм-ленинизм и способствовал превращению его в могучее оружие международного пролетариата, с помощью которого Коммуна была не только отмщена, но засияла новой славой в свете блестательных успехов всемирного революционного процесса.

Чтобы дать полное представление о том научном уровне, на котором ставятся «впервые» «истинные» проблемы Коммуны, следует остановиться еще на одном утверждении «Нувель обсерватэр». Указывая, что Парижская коммуна существовала всего 64 дня, Д. Рише пишет, что это «слишком мало, чтобы оказать влияние на нашу историю». Если определять значение исторического события только в соответствии с временем, в течение которого оно продолжалось, то это, может быть, и так. Правда, ни один историк еще не додумался до подобной методологии. Здесь «Нувель обсерватэр», действительно, показывает кое-что и в самом деле впервые. Что же касается подлинного значения Коммуны, то, например, знаменитый французский ученый Элизе Реклю справедливо считал ее величайшим событием в истории Франции. Парижская коммуна, несмотря на свое поражение, утвердила республиканский строй, разбив все надежды монархистов. Она положила конец различным формам мелкобуржуазного французского социализма и открыла путь к созданию во Франции подлинной пролетарской революционной партии. Коммуна оказала воздействие на весь ход мировой истории. Ленин так определил ее историческое место: «...При всех ошибках Коммуна есть великолепный образец величайшего пролетарского движения XIX века».

ЛЮБЫЕ попытки посягнуть на бессмертную славу Коммуны, попытки отделить Коммуну от ее подлинных наследников — от стран социализма, от коммунистического движения — всегда заканчивались крахом. Буржуазные историки, анархисты, даже фашисты и многие другие пытались в своих интересах использовать историю Коммуны. Многие претендовали на ее наследство. Но только рабочий класс, только его пролетарская партия, его идеология дали единственно правильное объяснение истории успехов и поражений Коммуны, воздали должное ее героям. Для всех иных претендентов на наследство Коммуна остается сфинксом, который с ледяным презрением истинного величия смотрит не их жалкую возню. Им не удалось и не удастся ни постичь смысл и роль Коммуны, ни признать ее всемирно-историческое значение. И чем больше времени отделяет нас от 18 марта 1871 года, тем все более величественным предстает перед ними подвиг парижских пролетариев.

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Секрет успеха

НОРБЕРТ ФРИД хорошо известен советскому читателю прежде всего как автор романа «Картотека живых» — об узниках гитлеровского концлагеря. Оккупация Чехословакии посвящена в известная новелла Фрида «Палач не станет ждать». В романе «Столб воды», привлекшем внимание читателей остротой этической проблематики, писатель обращается к современности.

Роман построен как внутренний монолог главного героя, служащего Роуса, иногда перебиваемый повествованием «от автора». Воспоминания нахлынули на Роуса, когда он остановился однажды на Вацлавской площади перед портретом улыбающегося советского космонавта. В картинах, возникающих в памяти, нет хронологической последовательности. Славек Роус то видит себя полным надежд двадцатилетним юношей, то вновь и вновь перебирает подробности своей сегодняшней жизни, пустой и одинокой. Возникают образы людей, с которыми он встречался, которых знал. В потоке воспоминаний Роус — скептик-логика — Роус пытается понять, в чем он был неправ, где он ошибся, почему он пришел к такому грустному итогу.

Этот человек всегда, даже в ранней молодости, был осторожен, осмотрителен. Ни разу не рискнул. Постепенно складывались в его характере завистливость, приспособленчество, малодушие. Роус ничем и никому не мог отдать себя целиком, он не нашел счастья и удовлетворения ни в любви, ни в семье, ни в работе. Даже в трагические годы оккупации он остался таким же безучастным обывателем.

Его сослуживица Гедвика стала жертвой нацистов, но ее независимость, ее гордый облик до сих пор тревожит Роуса как недостижимый образец человека. Подлинное счастье нашла его сестра Ирена, которая вышла замуж вопреки воле родителей за любимого человека, вместе с ним участвовала в антифашистском движении. Ирена погибла, но она сама избрала свою долю и она знала о ней. Не сумел Роус удержать Эленку, которую полюбил: она казалась ему чересчур бойкой, самостоятельной, дерзкой, а девушка не захотела примириться с его эгоизмом и мещанской ограниченностью.

Чехословацкая критика, положительно оценивая роман Фрида, вместе с тем отмечала известную противоречивость в обрисовке главного героя. Фрид создает законченный образ обывателя, но этот обыватель — «проницательный аналитик, безжалостный судья своих поступков, очень верно и трезво оценивающий людей. Но в целом роман Норберта Фрида отличает большая точность психологического анализа: правдивая непримиримость к любым проявлениям низости, трусости, равнодушия. В этом его общественный смысл и секрет его успеха.

С. ШЕРЛАИМОВА

Norbert Fryd. Sloup vody. Praha. 1964.

□ □

США

Новая биография Джека Лондона

НОВАЯ биография Джека Лондона, написанная Ричардом О'Коннором, — пожалуй, наиболее обстоятельная и объективная из всех существующих книг о выдающемся американском писателе, хотя и не лишена пока полной. Последнее признает сам автор, поскольку литературный наследник Лондона, Ирвинг Шепард, не дал ему разрешения воспользоваться материалами, хранящимися в Хантингтонской библиотеке. Шепард объяснил свой отказ тем, что он готовит к изданию двухтомную «Книгу о Джеке Лондоне», написанную вдовой писателя Чармейн Лондон, и сборник писем Джека Лондона.

Биография содержит неизвестные факты из жизни писателя; в ней, в частности, впервые подробно говорится о родителях и далеких предках Лондона. О'Коннор отвергает версию об ирландском происхождении писателя. Родители как Чани, так и Флоры — отца и матери писателя — происходили из Англии.

Любопытны страницы, посвященные спору Лондона с президентом США Теодором Рузвельтом о романе «Белый клык». Рузвельт ставил под сомнение реализм романа.

Работая над биографией, О'Коннор пошел по пути старательного изложения фактов, но ему, на наш взгляд, все-таки не хватило понимания социальных и эстетических взглядов писателя, психологии его творчества.

Американский литературовед Максуэлл Гейсмар в рецензии на книгу О'Коннора делает важное заявление о судьбе творчества Лондона в Соединенных Штатах: «Я убежден в том, что невозможно вытравить Джека Лондона из национальной литературы, как пытались это сделать за последние десятилетия либералы холодной войны и поддерживающие Триллинга поклонники Джеймса, новокритики и повсюду господствующие сторонники сентиментальности, литературной техники «хорошего вкуса». Лондон слишком могуч, слишком страшен, слишком крепко вошел он в историю...».

В. БЫКОВ

Richard O'Connor. Jack London. A Biography. Boston—Toronto, 1964.

□ □

АНГЛИЯ

Неузнаваемый Шекспир

Уверенный брат, что сон
твой возмутил?
Е. БАРАТЫНСКИЙ

РОМАН Энтони Берджеса не затерялся среди других книжных новинок шекспировского года. Название романа — «На солнце непохоже...» — взято из первой строки 130-го сонета Шекспира (в переводе С. Маршака: «Ее глаза на звезды не похожи...»). В подлиннике — «солнце», а не звезды, но суть не в этом. Подобно тому, как Шекспир в своем сонете отказался от идеализации возлюбленной, так и автор романа хочет показать нам не идеальный облик великого поэта, а реальный облик человека, каким, по его мнению, был Шекспир.

Хотя сохранилось достаточно сведений о литературной и театральной деятельности Шекспира, его личная жизнь остается загадкой. Это открывает возможность для всякого рода романических вымыслов. Существуют уже десятки романов и пьес о Шекспире. Энтони Берджес добавил к ним свой вариант образа поэта. Я бы назвал этот вариант физиологическим.

Поскольку большинство почитателей Шекспира не задумывалось, возможно, над тем, как он отправлял естественные функции организма, Энтони Берджес восполняет этот пробел в нашем знании. «Концепция» автора становится ясной уже в начале романа, где рассказывается о том, как юноша Шекспир напился пьяным до потери сознания. Автор с упоением описывает, как шатающийся Шекспир вышел на двор помочиться, как его стало мутить и, наконец, вырвало. Он заснул на земле и проснулся оттого, что какая-то женщина овладела им. «Кто была она? Спросить в тот утренний миг, когда они сплелись почти обнаженные, — пожалуй, это было бы неблагородно».

После этой пародии на шекспировскую поэму «Венера и Адонис» автор, ничем не смущаемый, рассказывает о том, как, став учителем, Шекспир поехал в Бристоль за учениками, попал в публичный дом, переспал с экзотической цветной проституткой и был избит за то, что не смог по недостатку денег расплатиться за это удовольствие.

Вы можете далее узнать из этого романа, что работу домашнего учителя он потерял после того, как пытался изнасиловать своего ученика...

Я позволю себе прекратить на этом изложение романа, которым почтенная английская издательская фирма «Хейнеманн» порадовала соотечественников Шекспира в год его 400-летнего юбилея. Грязная эротическая фантазия Берджеса превращает Шекспира в человека, которому внимание читателя не было чуждым. Читатель эту книгу и вспоминать слова Пушкина: «тогда жадно читает исповеди, записки etc., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой мерзости она в восхищении. **Он мал, как мы, он мерзок, как мы!** Врете, подлецы: он и мал и мерзок — не так, как вы, — иначе». (Письмо П. А. Вяземскому по поводу сожжения мемуаров Байрона, ноябрь 1825 г.).

Конечно, Шекспир был в каких-то отношениях человек как все. Но интересен он не этим, а тем, что возвышало его над другими. По Берджесу получается, что отличала Шекспира повышенная сексуальность, и он дал волю своей фантазии по этой части. Надо отдать должное Берджесу: он мастак по части откровенных описаний. Только не стоило ради них тревожить прах величайшего из писателей мира.

Александр АНИКСТ

Anthony Burgess. Nothing Like the Sun, London, 1964.

СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ ОНИ САМИ

...Джим Кларк иногда снимает стальной шлем, чтобы надеть фуражку военного образца. Но с полицейской дубинкой, пистолетом и плеткой он не расстается никогда. Особенно привязан он к плетке — «самому гуманному», по его словам, виду оружия из тех, которые он пускает в ход при разгоне демонстраций в графстве Далласс (штат Алабама), шерифом которого он состоит.

Любовь к плетке, однако, не исключает иного оружия расправы и террора. Недавно шериф Кларк раскроил полицейской дубинкой череп негритянской женщине. На снимке, который мы публикуем, запечатлена эта страшная сцена. А рядом на другом снимке — самодовольный расист в парадной форме, со звездой шерифа на груди.

Ненависть Кларка к неграм имеет свою историю. Когда начальник полиции Бирмингема два года назад спустил собак против демонстрации негров, боровшихся за свои права, шериф Далласа оказал бирмингемским расистам посильную помощь. Не пренебрегает он и слезоточивым газом, который огрыз офицерский «шлем для волос». С 1963 года шериф Кларк арестовал в г. Селма тысячи участников демонстраций. В эти дни, когда негры Селмы снова требуют осуществления конституционных прав, шерифа особенно много «работы».

Фото из английской газеты «Санди таймс»

ВАШИНГТОН—ПОЛЕ БОЯ

Столица Соединенных Штатов и ее пригороды будут твердым орешком для президента Джонсона, завзятого в своей решимости сделать этот город полем боя в объявленной им войне против преступности.

Данные о преступлениях, совершенных в Вашингтоне за прошлую неделю, ничем, в сущности, не отличаются от данных о преступности за любую другую неделю, не означенную вышедшими из экстраординарных происшествиями криминального характера.

Первое крупное преступление было совершено в понедельник. Вооруженный преступник вошел в ресторан Арлингтон-отель. Ограбив, он приказал посетителям не двигаться с места, пригрозив пристрелить всякого, кто нарушит этот приказ, и под угрозой оружия заставил кассира передать ему имевшиеся в наличии 1 500 долларов. Вслед за ним понедельник какой-то хорошо одетый человек напал среди бела дня на улице с ножом. Ограбив ничего не подозревавшего прохожего, он, не стесняясь, сорвал с него часы, а в это время сообщник грабителя сбил пострадавшего с ног и похитил у него 140 долларов.

Во вторник четверо вооруженных бандитов ограбили контору по торговле недвижимостью и пытались скрыться — вместе с захваченными 4 000 долларов — в украденном автомобиле. Преследуемые полицией, они разбили машину и бросились бежать, отстреливаясь на ходу. Один из полицейских был ранен в ногу.

Рано утром в тот же день и неподалеку от улицы Вашингтона один из налетчиков убит, другой — тринадцатилетний мальчик, который, получив в шею, третьего удалось задержать целым и невредимым.

В субботу в спор трех мужчин на улице обратился прохожий. Один из спорящих шагнул навстречу незнакомцу, замахнувшись железным прутом. Тогда незнакомец выхватил револьвер и несколькими выстрелами убил наповал двоих из них и ранил третьего.

В воскресенье вечерина по случаю дня рождения закончилась тем, что 24-летний юноша, приглашенный на день рождения в качестве почетного гостя, всадил нож в спину другого гостя, убив его на месте. Причина убийства — ссора из-за того, кто будет танцевать с приглянувшейся им обаяния девушкой...

Сирылся с похищенным кошельком, в котором было 5 долларов.

Четверг был счастливым днем, потому что он прошел почти без происшествий. Правда, бандит, вооруженный револьвером, ограбил винный магазин, забрав из кассы 100 долларов, но никаких других серьезных преступлений совершено не было.

Казалось, что и пятница будет относительно спокойным днем. День уже клонился к вечеру, а в протоколы полиции были занесены лишь два преступления: кража 4 100 долларов из запертого служебного помещения в ресторане, да похищение 1 500 долларов из сейфа в конторе по снабжению ресторанов и магазинов продовольственными продуктами.

Но вечером было совершено серьезное преступление. Трое подростков вошли в бакалейную лавку на одной из улиц Вашингтона. Один из юнцов навел дуло револьвера на 18-летнего сына хозяина этой лавки, помогавшего матери вести торговлю. Двое других бандитов взяли из кассового аппарата 150 долларов. Юнец с револьвером прострелил шею своему «заложнику», после чего все трое выскочили и бросились бежать, рассыпав второпях на полу магазина 50 долларов. Всюнчив о похищенных ими автомобиль, преступники пытались скрыться от преследования полиции.

После того как украденная машина врезалась в строящееся здание, бандиты пытались спастись бегством, а полицейские открыли по ним огонь. В результате один из налетчиков был убит, другой — тринадцатилетний мальчик, который, получив в шею, третьего удалось задержать целым и невредимым.

В субботу в спор трех мужчин на улице обратился прохожий. Один из спорящих шагнул навстречу незнакомцу, замахнувшись железным прутом. Тогда незнакомец выхватил револьвер и несколькими выстрелами убил наповал двоих из них и ранил третьего.

В воскресенье вечерина по случаю дня рождения закончилась тем, что 24-летний юноша, приглашенный на день рождения в качестве почетного гостя, всадил нож в спину другого гостя, убив его на месте. Причина убийства — ссора из-за того, кто будет танцевать с приглянувшейся им обаяния девушкой...

«Нью-Йорк геральд трибюн»

* Президент Джонсон не в первый раз объявляет о намерении начать решительную борьбу с преступностью в США.

ГЕВОРГ АБОВ

Советская армянская литература понесла тяжелую утрату. На шестьдесят восьмом году жизни в Ереване скончался старый большевик, видный писатель и литературовед, заслуженный деятель искусств, доктор филологических наук профессор Геворг Абов (Геворг Аршакович Абовян).

Значительны заслуги Г. Абова перед армянской литературой и искусством. Вступив в 1920 году в ряды Коммунистической партии и активно участвуя в революционной борьбе за установление Советской власти в республике, Г. Абова, награжденного орденом Трудового Красного Знамени и медалями, Геворг Абов до последних дней жизни работал над новым исследованием, посвященным армянской классической литературе.

Память о замечательном писателе, ученом, деятеле культуры, коммунисте и скромном человеке — нашем друге и собрате по перу Геворге Абове — надолго останется в наших сердцах.

Правление Союза писателей СССР
Правление Союза писателей Армянской ССР

Много сил и энергии отдавал Г. Абов работе в Союзе писателей Армении, будучи в течение долгих лет его секретарем и редактором периодических литературных изданий.

Советское правительство высоко оценило заслуги Г. Абова, наградив его орденом Трудового Красного Знамени и медалями. Геворг Абов до последних дней жизни работал над новым исследованием, посвященным армянской классической литературе.

Память о замечательном писателе, ученом, деятеле культуры, коммунисте и скромном человеке — нашем друге и собрате по перу Геворге Абове — надолго останется в наших сердцах.

Правление Союза писателей СССР
Правление Союза писателей Армянской ССР

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО

ОБЪЯВЛЯЕТ

ТВОРЧЕСКИЙ КОНКУРС

для лиц, желающих учиться без отрыва от производства. Институт имеет отделения: прозы, поэзии, драматургии и критики.

На творческий конкурс принимаются рассказы, повести, пьесы, поэмы, циклы стихов, литературные статьи. Неопубликованные произведения должны быть переписаны на машинке. Произведения, написанные не на русском языке, сопровождаются подстрочным переводом. Автор произведения сообщает фамилию, имя, отчество, год и место рождения, профессию, стаж трудовой деятельности, наименование учебных заведений, в которых учился, национальность, партийность, точный домашний адрес, с какого времени пишет.

Всем поступающим в институт необходимо иметь законченное среднее образование и производственный стаж не менее двух лет. Авторы произведений, одобренных комиссией, подают вместе с установленными документами заявления о приеме в институт.

Произведения на конкурс принимаются **до 25 мая.** Вступительные экзамены проводятся с 1 октября.

Адрес: Москва К-104, Тверской бульвар, 25. Приемная комиссия.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм: Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, отделы: французской литературы — В 8-99-33, искусств — Б 1-11-69, литературы народов СССР — В 8-59-17, внутренней жизни — К 4-06-05, науки — В 8-54-03, иностранный — К 4-03-48, информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

ИНДЕКС 50067 Типография «Литературной газеты»: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 Б—00647

Главный редактор А. ЧАКОВСКИЙ.
Редакционная коллегия: Ю. БАРАБАШ (зам. главного редактора), А. БЛИНОВ, Б. ГАЛАНОВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, Ю. КОМАРОВ, А. МАКАРОВ, Г. МАРКОВ, В. МЕДВЕДЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, О. ПРУДКОВ, Ю. СУРОВЦЕВ, А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора).